

**ОЛЬГА
ЕГОРОВА**

ЛОЖЬ ВО
СПАСЕНИЕ

Ольга Егорова

Ложь во спасение

«Амиргамзаева Ольга»

Егорова О.

Ложь во спасение / О. Егорова — «Амиргамзаева Ольга»,

ISBN 978-5-17-048138-5

Преуспевающий бизнесмен Евгений Шевцов медленно сходит с ума. Кто-то пытается повесить на него убийство старика соседа, подбрасывает улики, подделывает картину преступления... Более того – Евгения преследуют видения, а каждый его сон оборачивается кошмаром. Кто спасет его и от обвинений в убийстве, и от надвигающегося безумия? Только школьная подружка Елена Лисичкина, ставшая теперь известным психиатром. Долгие годы она преданно, безнадежно и молчаливо любила Евгения – и теперь готова сделать все возможное и невозможное, чтобы отвести от возлюбленного смертельную беду...

ISBN 978-5-17-048138-5

© Егорова О.
© Амиргамзаева Ольга

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	42
-----------------------------------	----

Ольга Егорова

Ложь во спасение

Я закрываю глаза, и мои веки становятся Воротами Солнца.

Тонкие голубоватые прожилки вен – как множество узких улочек Мадрида, давным-давно позабывших свои названия. Вечность, отливающая прозрачной зеленью Средиземного моря, спокойно струится по этим улочкам вниз, медленно стекает по ним горьковатым вересковым медом и застывает перламутровой каплей жемчуга на площади Пласа-Майор. Именно сюда, рука об руку с вечностью, является каждый вечер ее взбалмошная и привередливая сестрица. Смерть, окруженная ослепительной красотой – здесь ее можно увидеть и потрогать руками, ощутить ее завораживающий запах, вкус и цвет и в считанные секунды понять, насколько банальна и нелепа в своих претензиях на первенство Жизнь, давшая ей начало. Тысячи глаз следят за их поединком. Тысячи рук взмывают вверх, тысячи сердец стучат в одном сумасшедшем ритме и замирают в один момент.

Октябрь в Мадриде – сезон корриды.

Именно сюда из года в год, из века в век, вздернув надменный подбородок, является Смерть в своем самом прекрасном, самом чистом и первозданном виде. Именно здесь можно услышать шорох ее ресниц в момент финального удара, в ту самую секунду, когда лезвие шпаги входит между лопаток в сердце быка.

Я вижу, как танцует Смерть, укрытая бархатным красным плащом, возле изнеможенной и израненной жертвы собственной прихоти. Складки плаща развеваются на ветру, а воздух вокруг наполнен горьковатыми запахами цветущего тимьяна, пьянящими запахами трепещущего на ветру розмарина. Прежде, чем сбросить плащ и остаться перед зрителями обнаженной, она выдерживает паузу – несколько секунд, небольшой временной отрезок, вмещающий в себя сотни тысяч веков прожитых и сотни тысяч тех, что еще предстоит пережить. На ее губах играет торжествующая улыбка. В этом любовном треугольнике нет лишних, в этом поединке нет проигравших. В момент удара мир разделяется на «до» и «после», и тысячи зрителей, слившихся в порыве экстаза, не успевают заметить, как Смерть исчезает.

Воздушным поцелуем она летит дальше, к Пуэрто-дель-Соль, чтобы затеять новую игру. На арене лишь поверженный бык и матадор, победоносно сжимающий в руках окровавленную шпагу. И в эту секунду всем становится очевидно, что Смерти нет.

Смерти нет. И красный бархатный плащ – всего лишь декорация к спектаклю, разыгранному толпой, одержимой жаждой зрелищ. Каменные стены Буэн-Сусесо сохраняют свою тайну в веках, Белая Мари ни о чем не расскажет. Вокруг фонтана и у стен монастыря Сан-Фелипе вскоре обоснуется рынок, и люди станут продавать здесь мясо и овощи. Воздушные поцелуи не оставляют следов. Камень и мрамор обречены на вечную немоту, и никому не дано понять, о чем так грустно шепчут воды реки Мансарес, о чем так торжественно молчат горы Гуадааррамы.

Свидетелей нет, а значит, и смерти нет тоже. Зеленые полотна в виде креста, которые расстилали на площади Крус-Верде перед казнью, совсем ничего не значат. Эта смерть – другая, лишенная своего первозданного очарования, не в счет. Ее придумали люди, в ней нет ничего божественного. Жалкая старуха с косой за плечами – разве способна она вызвать священный трепет, разве достойна она красного бархатного плаща, и разве ее нагота не отвратительна?

«Смерти нет», – шепчу я, почти не размыкая губ, и в следующую секунду вдруг голос реальности грубо обрывает поток чистой экзистенции, в котором мне было так уютно.

Я открываю глаза, и вместе с голосом реальность наконец обретает земной зрительный образ.

– Будете заказывать что-нибудь еще? – слегка наклонив голову, интересуется официант.

Видимо, интересуется уже не в первый раз – воистину, его терпению позавидовал бы сам святой Исидоро.

Возможно, это он и есть, покровитель Мадрида, стоит сейчас передо мной в сто тысячной своей реинкарнации, растягивая губы в вежливой улыбке, которой его долго и тщательно обучали на курсах для обслуживающего персонала в ресторане «Эскориал». Не самый худший вариант, если учесть, что возможности выбора перед лицом небесной канцелярии лишены даже такие важные персоны, как он.

Впрочем, Исидоро не привыкать к роли слуги, если вспомнить, каким было его первое земное воплощение.

– Что-нибудь еще? – повторяет официант, не подозревая о том, какие мысли бродят сейчас в моей лохматой белобрысой голове.

Я улыбаюсь. Мне хочется попросить его извлечь из-под полы красной рубахи железные тиски, дотронуться ими до камня, выбранного наугад из бесчисленного множества серых камней, слагающих стену, и налить в высокий стакан тонкого стекла воды из чудесного источника, который зажурчит прямо здесь, в зале ресторана, от его волшебного прикосновения. Мне хочется, но я сдерживаюсь, чтобы не смущать и без того уже смущенного русского парня в испанском прикиде, за небольшую зарплату и вечную надежду на чаевые вынужденного терпеть выходки всегда правых клиентов.

В ответ я лишь отрицательно качаю головой. И снова улыбаюсь Святому Исидоро, покровителю Мадрида, милосердно забывая о том, что он только слуга. На вид ему лет двадцать, не больше. Мы почти ровесники, и это значит, что мы в чем-то похожи. Первый сексуальный опыт в недавнем прошлом, нелепый выпускной бал, учебники и конспекты по ночам в период зимней и летней сессии, косячок по кругу, изредка – кое-что посерьезнее, бесконечные скандалы с родителями и вечный бунт мечущегося сердца.

Милый мальчик с терпением святого мученика, с испанским профилем Антонио Бандераса, осанкой короля Фердинанда Седьмого и глубокими черными глазами, заглянув в которые, можно прочесть все поэмы Федерико Гарсия Лорки сразу. Здесь все такие – стоит лишь оглядеться по сторонам этого высококлассного, уникального в своем роде общепита. Может быть, они и в самом деле родные братья?

Меня слегка мутит от вина. Наверное, в этот вечер я выпила его слишком много. Впрочем, как и в каждый из предыдущих моих вечеров в псевдо-испанском стиле. Я подседа на этот чертов ресторан, как на наркотик. Я торчу здесь вечерами вот уже третью неделю подряд, и даже не имею понятия, сколько еще это будет продолжаться. За столь долгий срок пора бы уже, кстати, научиться отличать друг от друга милых придуманных мальчиков в одинаково красных рубашках.

Пора бы, но я так и не научилась.

– Бруно, – прищурившись, читаю придуманное имя на крохотном бейджике. – Скажите, Бруно, как вас зовут? Как вас зовут на самом деле?

– Владимир, – охотно рассекречивается Бруно и бросает на меня короткий взгляд, полный исконно русского оптимизма.

Или мне показалось?

Он начинает собирать на отделанный серебром поднос ножи и вилки, тарелку с остатками андалузского гаспаччо. Бокал, на самом дне которого еще мерцает янтарным светом недопитое Альбарино. Лениво соображаю, не заказать ли еще вина. В этот момент лже-Бруно внезапно склоняет ко мне лицо. Сомневаться в том, что сейчас он хорошо поставленным тенором напоеет мне на ухо арию Хосе из оперы «Кармен», практически не приходится.

В крайнем случае, это будет отрывок из какой-нибудь поэмы Антонио Мачадо, если голос у Бруно партии Хосе никак не соответствует.

Я уже готова и к арии, и к отрывку из поэмы, но вместо этого слышу всего лишь прозаический шепот:

– Не уходите.

Брови ползут вверх: неужели это он мне?

Нет, дело, конечно, даже не в том, что я вообще-то не из тех девушек, о которых стандартно мечтают мальчики с профилями Антонио Бандероса и осанками короля Фердинанда. Профиль и осанка, по большому счету, ничего не значат и никак не влияют на вкусовые предпочтения. Но в заведениях подобного рода, кажется, не принято, чтобы официант так откровенно клеил посетительницу. Узнай об этом дирекция – несчастного Бруно пнут сапогом под зад так, что мало не покажется. Никто и не посмотрит, какая там у него осанка и чей у него профиль. Прощайте, скромная зарплата, красная рубаша и вечная надежда на чаевые, здравствуйте, задворки мелкооптового продуктового склада, тяжелые ящики с пивными бутылками и пыльные мешки с мукой первого сорта. Воистину, было бы лучше, если б он спел мне арию Хосе.

На размышления о печальной судьбе Бруно-Володи уходит несколько коротких секунд, по истечении которых ситуация проясняется самым банальным образом:

– Не уходите, – повторяет Бруно таинственным шепотом. – Еще несколько минут, и вас ждет кое-что интересное... Кое-что очень интересное и очень стоящее, поверьте...

Оказывается, это был обычный рекламный ход. Таинственный шепот официанта просто входит в программу обслуживания посетителей, которые, следуя незыблемому правилу удачного ресторанного бизнеса, должны оставаться в заведении как можно дольше. Никакой романтики: мы с Бруно – всего лишь пешки в чужой игре, правила которой придумали люди, вложившие бабки в это грандиозное псевдо-испанское предприятие. Замок Эскориал, сошедший с гравюры Педро Перета и прочно обосновавшийся в северной части российской столицы, должен приносить доход тем, кто его придумал и создал. Все просто, как дважды два.

Мне становится грустно и смешно сразу. Пытаясь разобраться в собственных эмоциях, ловлю интригующий взгляд официанта и понимаю, что он еще не все сказал.

Слабый запах миндаля и кофейных зерен доносится от его гладко выбритой щеки. Мне хочется дотронуться до этой щеки, мне хочется нарушить правила, но вместо этого я почему-то тихо спрашиваю:

– Да? И что же это?

Интригующая пауза все продолжается. Уважая молчание Бруно и отдавая должное величию ситуации, изо всех сил пытаюсь сохранить заинтересованное выражение на лице, тем временем лениво перебирая возможные варианты его ответа.

Старушка Монсеррат с двухчасовым концертом, увенчанным «Барселоной» в дуэте с воскресшим на время визита в российскую столицу Фредди Меркури? Это было бы слишком просто. Коррида с настоящим испанским матадором и настоящим испанским быком на узкой сценической площадке – нелепо. Заливное из рыбы, пойманной на заре христианской эпохи апостолом Иаковом и подаваемое за счет заведения – слишком рискованно для желудка.

Нет, ни то, ни другое и не третье.

Тогда, черт возьми, что же?

Пауза затянулась – еще несколько секунд, и я уже не смогу справиться с зевотой.

Черные и длинные ресницы Бруно взлетают вверх, плавно опускаются вниз, и наконец он произносит:

– Пабло Гавальда.

«Пабло Гавальда» – мысленно повторяю я. Мне хочется реветь от досады. Чертов Бруно, оказывается, не на шутку заинтриговал меня своим долгим молчанием, и вот теперь я чувствую себя так, как чувствует себя пассажир самолета, летящего в город его мечты Париж, но по непредвиденным обстоятельствам вдруг приземляющегося в районе деревни Большие Коромысла, как раз в окрестностях местной птицефабрики. Как котенок, которому вместо миски с хрустящими мясными шариками подсунули миску с его собственными засохшими экскрементами.

Пабло Гавальда – это даже не испанский король.

Это вообще неизвестно кто.

Если это имя ни о чем не говорит мне – мне, с раннего детства помешанной на Испании, с раннего детства бредящей Испанией, вот уже третий год целенаправленно изучающей на филологическом факультете самого престижного университета страны язык, историю и культуру Испании – значит, тарелка с засохшими экскрементами была вполне удачным сравнением.

Прокол, господа вседержители, господа создатели испанского рая на северной окраине российской столицы! Этот ваш Пабло Гавальда – вопиющая «двойка» по основному предмету; косяк, забитый вместо марихуаны обыкновенным чайным листом; поцелуй сомкнутыми губами, дешевая имитация бурного оргазма, дворняга, жалко поскуливающая у захлопнувшейся двери на выставку представителей чистокровных шарпеев. Кто он такой, этот ваш Пабло Гавальда?

Я адресую вопрос едва ли не лопающемуся от торжественности момента Володьке:

– Кто он такой, этот ваш Пабло Гавальда?

Володька снисходительно усмехается, снова рискуя оказаться на задворках мелкооптового продуктового склада за непочтительное обращение с посетителями ресторана, и доверительно сообщает:

– Это бард. Настоящий испанский бард из Сантьяго-де-Компостеллы. Золотой голос, виртуозные пальцы. Он согласился некоторое время у нас поработать... Всего лишь несколько дней. Не торопитесь уходить. Вот увидите, вам понравится. Вам очень понравится... Вы ведь любите Испанию?

То, что я люблю Испанию, написано у меня на лбу крупными буквами. Володька не открывает Америки. Пусть в полумраке ресторанного зала эти буквы неразличимы, об этом нетрудно догадаться, сосчитав в уме количество вечеров, проведенных мною в этом чертовом кабаке со дня его открытия. Помножив получившуюся сумму на количество условных единиц в рублевом эквиваленте, снятых с родительского банковского счета. Возведя ее в степень тотального одиночества, неизмеримую и неподвластную числовым манипуляциям.

Впрочем, это уже мои личные проблемы.

– Вы любите Испанию, – полувопросительно повторяет Володька.

Моя любовь к Испании сидит со мной за одним столиком. Она курит сигареты из моей пачки, пьет вино из моего бокала и изредка выбегает в дамскую комнату, чтобы втянуть хищными ноздрями крошечное облачко белого порошка. Нужно быть слепым, чтобы не заметить рядом со мной эту взбалмошную красотку с серебряным гребнем и вызывающе алым бантом в черных волосах.

– Это ваше дрянное заведение не имеет ничего общего с настоящей Испанией, – говорю я Володьке, мстительно оглядывая кованые решетки на окнах, монументальные фрески на стенах и скульптурную композицию, изображающую Филиппа Второго с семьей – точную копию той, что была когда-то создана по заказу монарха итальянцем Фабрицио Кастелло.

– Вы так не думаете, – нагло заявляет Володька, в третий раз рискуя оказаться за бортом испанского корабля своей надежды.

Его дерзость меня покоряет.

Побежденная, я заказываю бутылку андалузского вина – «Педро Хименес», лучший и благородный сорт винограда, и остаюсь за столиком, покорно ожидая появления золотого голоса вкупе с виртуозными пальцами. Снова закрываю глаза, ожидая с привычной легкостью перенестись куда-нибудь в Кастилию, под своды дворца Каса лас Муэртес. Легкая музыка доносится из невидимых динамиков – вплоть до сегодняшнего вечера здесь использовали обычную инструментальную фонограмму, обходясь без дорогостоящего живого звука. Тихая «Ilsa del sol» традиционно сменяется еще более романтической «Cartas de amour». Я знаю все композиции наизусть в порядке их очередности, и мне немного тревожно от того, что в моем придуманном рае сегодня должно что-то измениться. Потягивая вино, я жду, когда на сцене появится Пабло Гавальда.

Вино в бакалее играет, отражая сотни неразличимых оттенков пламени свечи.

* * *

Лену Лисичкину всегда раздражала осень. Особенно – поздняя.

Перед этим временем года она испытывала патологическую растерянность и в глубине души всегда надеялась, что, может быть, в этом году ей повезет и поздняя осень вообще не наступит. Лето волшебным образом за одну ночь превратится в зиму, и не будет противной слякоти на дорогах, бескровного неба, колючих дождей и вязких туманов. Не нужно будет каждый день таскать в сумке складной зонт в красно-белый горошек, который от сильного ветра всегда ломается, оцетинивается колючими спицами, превращаясь в злобного доисторического монстра с нелепыми претензиями на оригинальность в окраске. Не нужно будет три раза в день чистить щеткой заляпанные грязью джинсы, носить дома поверх водолазки старую шерстяную кофту и греть вечерами озябшие руки у масляного обогревателя, с тоской поглядывая на холодные батареи, у которых еще почему-то не начался отопительный сезон.

Но поздняя осень каждый год наступала. Несмотря на то, что Лена Лисичкина ее совсем не любила и вовсе не ждала. На желания Лены Лисичкиной ей, поздней осени, было наплевать с высоты Эйфелевой башни. А может быть, даже еще с более высокой высоты – она наступала, потому что ей так хотелось, и еще потому, что ее права и обязанности официально поддерживались законами природы, без всяких поправок и дополнений, и мнения Лены Лисичкиной по этому поводу никто не спрашивал.

Ранняя осень – со всеми ее красками, запахами и прочими прелестями эстетического порядка – вызывала в душе острую тоску по уходящему лету. Вместе с летом уплывала за синий горизонт и мечта об отпуске, который уже закончился и теперь снова начнется совсем-совсем нескоро. Туда же, за синий горизонт, вслед за мечтой об отпуске уплывал и очередной год прожитой жизни. Теплый осенний ветерок, шелестя листьями и станицами перекидного календаря, уносил с собой этот год, вот уже двадцать девятый по счету, оставляя в душе лишь глухую тоску и ощущение полной безысходности.

Словно в насмешку, день рождения Лены Лисичкиной приходился на тридцатое сентября.

Нет, не понять ей великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Не разгадать, как ни пытайся, причины, по которой поэту была так приятна эта «прощальная краса», из-за которой иногда – хоть в петлю лезь.

Наверное, для того, чтобы оценить осень, нужно все-таки быть поэтом.

Лена Лисичкина поэтом не была.

Ее профессия вообще была далека от романтики.

В самом деле, откуда взяться романтике в психиатрической клинике? Ни в приемном отделении, ни в ординаторской, ни в длинных больничных коридорах романтикой и не пахнет. Везде, как в любой другой больнице, пахнет больницей. Пахнет лекарствами, растворами

для стерилизаций, кварцем и сыростью от непросушенного до конца в прачечной постельного белья. Пахнет пылью, лежащей на подоконниках и на раскидистых листьях монстер, фикусов и огромной юкки, расположившейся, как царица на троне, в инкрустированном речными камнями горшке, в самом центре вестибюля. И к этому запаху медикаментов и стерильной больницы пыли примешивается еще один, стойкий, неистребимый запах глухого отчаяния.

И даже в насквозь пропитанном табачным дымом лестничном пролете между шестым и пятым этажами клиники, в импровизированной полулегальной «курилке», где молоденькие медсестры в ажурных черных чулках и белоснежных, коротеньких медицинских халатах, просвечивающих кружевное белье, делятся друг с другом, иногда посмеиваясь, а иногда тяжело вздыхая, последними новостями из личной жизни, порой проскальзывают начисто убивающие всякую романтику медицинские словечки.

Сама Лена ажурных чулок никогда не носила, и халат у нее был совершенно обыкновенный, начисто лишенный легкомысленной прозрачности. При этом надевала она его поверх джинсов и какой-нибудь тепленькой водолазки. Зато Лена носила очки с толстыми линзами в темной пластмассовой оправе, лишь изредка заменяя их контактными линзами, а волосы все-гда собирала в тугий, скрепленный шпильками и невидимками, узел на затылке.

За четыре года работы в клинике никто и никогда не видел Лену Лисичкину с другой прической. Те редкие дни, когда вместо джинсов Лена надевала на работу черную, слегка расклешенную ниже колен юбку из матово блестящей тафты-стрейч, можно было пересчитать по пальцам и угадать наперед, сверившись с календарем, висящим на стене в ординаторской. Как правило, в календаре эти дни были отмечены красным. День медицинского работника, Международный Женский День и Новый год.

При условии, что на один из этих дней выпадало ее дежурство в больнице.

В вечных джинсах и с тугим узлом на затылке Лена и сама себе не очень нравилась. Огорчалась порой из-за полнейшего отсутствия романтики в жизни, и даже красила последние два года волосы в белокурый, с платиновым отливом, цвет. Притворялась блондинкой, втайне надеясь, что с помощью тюбика краски ей удастся обмануть природу и начать в один прекрасный день жить какой-то другой, совершенно замечательной жизнью – ажурной, атласной, невестомой, окантованной по краю кружевными оборками и инкрустированной сверкающими стразами. Именно такой жизнью, которой и должна жить нормальная блондинка.

Но от цвета волос, пришлось это признать, жизнь не менялась.

И сама Лена не менялась тоже, оставаясь платиновой блондинкой лишь внешне. Хотя платиновый цвет волос ей очень шел, и это был, пожалуй, единственный положительный момент, оправдывающий регулярные визиты в салон красоты и недешевую стоимость услуг парикмахера. Два новоприобретенных поклонника из числа среднего медперсонала психиатрической больницы не в счет – к служебным романам Лена Лисичкина никогда не относилась всерьез, и уж тем более никогда не мечтала связать свою жизнь с коллегой по работе в «психушке».

В остальном же все оставалось по-прежнему.

В наушниках, которые непременно болтались в ушах, когда она ехала в переполненном автобусе на работу, по-прежнему звучала тяжелая музыка. Надрывно ревели бас-гитары, заходились в почти эпилептическом припадке ударные, аккомпанируя истошным воплям Мерлина Мэнсона или группы «Нирвана», которую Лена полюбила еще, будучи ученицей девятого класса. Не появилось никаких щекочущих душу песенок из репертуара какой-нибудь современной эстрадной поп-дивы, которые, вероятно, полагалось бы слушать Лене, будь она настоящей блондинкой.

В сумке у Лены по-прежнему царил идеальный порядок: кошелек, пудреница с зеркалом, помада, мобильник классической модели, расческа и носовой платок. Ни одной забытой обертки от шоколадки, ни одного использованного талончика, никаких газетных обрывков с

номерами телефонов давно позабытых знакомых, а вместо растрепанного, зачитанного до дыр томика любовного романа какой-нибудь западной писательницы – карманное издание сурового Юкио Мисимы в весьма аскетичном исполнении или Павич в мягкой обложке.

В шкафу у Лены Лисичкиной, в связи с ее переходом в категорию платиновых блондинок, не прибавилось ни одной юбки с оборками, ни одной кофточки с намеком на прозрачность, ни одного платья с декольтированным верхом и разрезом до самой линии бедра. «Собранию сочинений» в виде бесконечных джинсов и водолазок мог бы позавидовать любой мужчина, вне зависимости от возраста и цвета его волос.

Да и вообще, если бы не один-единственный пестрый летний сарафан, который Лена купила три года назад и с тех пор надела всего лишь два раза, можно было бы подумать, что этот шкаф с одеждой принадлежит мужчине.

Впрочем, даже и так, с сарафаном, можно было подумать, что шкаф принадлежит мужчине. Просто у этого гипотетического мужчины есть подруга, любимая женщина, которая, второпях убегая домой, забыла свой сарафан у мужчины в шкафу...

«...Стоп! Это что же, получается, она от него без сарафана, в одном белье ушла, что ли?» – Лена застыла посреди дороги, почти всерьез озадаченная этим вопросом.

Кто-то толкнул ее, задев плечом, пробормотав себе под нос будничное ругательство.

С неба падал дождь. Нудный, как зубная боль, он отчаянно барабанил по натянутому над головой куполу зонта. Ветер был сильный, холодный, и налетал порывами, каждый раз собираясь вывернуть зонт наизнанку.

Лена терпеть не могла, когда зонт выворачивался наизнанку. Починить его на месте никогда не получалось – вопреки всем ее усилиям зонт ошетинился еще сильнее, топорщил в разные стороны металлические иголки, и иногда даже казалось, что сквозь шум дождя можно различить его тихий скрипучий смех.

Это был, в самом деле, какой-то монстр, а не зонт. Лена его даже немного побаивалась, несмотря на вполне безобидную, веселенькую расцветку купола.

Завидев вдалеке нужную маршрутку, Лена добежала до остановки бегом. Места, как всегда, не хватило, но водитель на этот раз попался добрый, разрешил ехать стоя. Всю дорогу Лена провисела в такси на подножке, вынужденная прижимать к себе нелюбимый, холодный и мокрый зонт.

Торопливо бегущие вниз по стеклу капли дождя создавали на его поверхности быстро меняющиеся рельефные узоры. Если бы не полное отсутствие цветной инкрустации – легко можно было бы поверить, что стекло для маршрутки изготавливал по спецзаказу сам Рене Лолик, который ради такого дела воскрес из мертвых. Сквозь эти «фасонные» стекла, запотевшие изнутри, невозможно было разглядеть, по какой улице едет маршрутка, и приходилось то и дело оглядываться назад, неловко выворачивая шею, чтобы не пропустить свою остановку.

Путь от работы до дома был длинный, а еще от остановки потом приходилось идти пешком минут десять. Десять – это если зонт не успеет сломаться, а если успеет, то и все двадцать... В погожие дни она не придавала этому значения, потому что в принципе любила ходить пешком, да и музыка, постоянно звучащая в наушниках, хорошо спасала от скуки. Но осенью, да еще в такую погоду, да еще с этим зонтом, иногда казалось, что путь от остановки до дома идет по нескончаемой спирали.

«Может, вообще его не открывать?» – подумала Лена, спрыгнув с подножки «Газели».

Вообще-то, по-хорошему, давным-давно пора было купить себе новый зонт. Нормальный зонт, который не будет выворачиваться наизнанку каждые десять минут от малейшего дуновения ветра. А этот, старый, выбросить на помойку. Вот тогда-то и будет понятно, кому из них двоих суждено смеяться последним...

Только почему-то выбрасывать зонт было жалко.

Его все-таки пришлось раскрыть, потому что стекла очков, быстро покрывающиеся дождевыми каплями, тоже начинали становиться «фасонными», а ей еще нужно было как-нибудь добраться до дома в целости и сохранности, не наткнувшись по пути на фонарный столб и избежав всех прочих «прелестей жизни» в лице гостеприимно открытых канализационных люков. Поспешно шагая вдоль бугристого тротуара, Лена не оглядывалась по сторонам. Глянцево блестящий асфальт, отражающий, как озеро, стволы деревьев, огни светофоров и силуэты многоэтажек, пронзительная желтизна листьев, умытых дождем, чистый воздух с избытком озона – все это ее сейчас не касалось. Хотелось побыстрее дойти до дома, снять потяжелевшие мокрые джинсы, нырнуть в просторный, удобный и мягкий махровый халат, сварить на плите чашечку крепкого обжигającego черного кофе и устроиться с ней на диване, под пледом. С книжкой, с кроссвордом, или просто перед телевизором, выбрав наугад какой-нибудь диск со старой французской комедией. Или с мультфильмами, которые Лена тоже очень любила. Дождь, конечно же, будет проситься внутрь, жалобно и тревожно стучать в стекла, а вместе с ним и ветер тихонько будет поскуливать за окном. Только уж лучше она проведет вечер в уютном одиночестве, чем в такой занудной компании.

Лена шла и привычно мечтала о теплом халате, о чашке горячего кофе и о мультфильмах, когда совсем рядом просигналила машина. В ее сторону она даже не посмотрела, прекрасно отдавая себе отчет, что давно уже вышла из возраста девушки, олицетворяющей мечту о быстром сексе на переднем сиденье папочкиного автомобиля.

Впрочем, девушкой, олицетворяющей мечту о быстром сексе на переднем сиденье, она, кажется, никогда и не была. За двадцать девять прожитых лет так и не узнала, каков он, этот быстрый секс, какова она, случайная любовь. Не потому, что придерживалась в этом отношении каких-то очень уж строгих правил. Просто, видимо, не производила на мужчин впечатления женщины, с которой возможен экспромт. Одна из коллег по работе, заведующая приемным отделением, многоопытная по части любовных приключений Анжела Буклан как-то сказала Лене: у нее на лбу написано, что она – врач-психиатр. «Оттого, – пояснила Анжела, – мужики тебя и боятся».

Ненастоящая блондинка. Этим все сказано.

Лена вяло усмехнулась собственным мыслям.

Машина снова просигналила, на этот раз более настойчиво и недвусмысленно.

Пришлось остановиться.

Нахмурившись, она стояла под дождем и смотрела, как стекают капли по блестящему кузову огромной и неуклюжей «Нивы», притормаживающей у тротуара. Водитель, по всей видимости, был не из пугливых, а может быть, просто не успел разглядеть надпись на лбу, потому что до сих пор видел Лену только со спины.

Ей совсем не хотелось сейчас вести ненужных и бесполезных разговоров, оттягивать драгоценные минуты встречи с халатом, кофе и прочими атрибутами одинокой, но привычной и по-своему замечательной жизни. Она даже разозлилась немного – и на себя, и на мужчину «не из пугливых», который, вероятно, был слабовидящим, раз до сих пор не разглядел той самой надписи у нее на лбу. И успела нахмуриться и сделать «лицо кирпичом», как выражалась все та же многоопытная Анжела...

Но все изменилось в несколько секунд, когда дверца машины со стороны водителя открылась, и он вышел под дождь, широко улыбаясь, и заспешил к ней, на ходу громко крича:

– Ленка! Ну, конечно, Ленка! Я тебя сразу узнал, по походке!

– А что такое с моей... походкой? – проговорила она бледным голосом, который даже сама не сумела расслышать сквозь шум грохочущего над головой дождя.

Водителем «Нивы» оказался Женька Шевцов. Бывший одноклассник, а ныне – главный инженер проекта в какой-то крупной строительной фирме.

«Роковая», «единственная» любовь рано или поздно случается, наверное, в жизни каждой женщины. Конечно, и из этого правила есть счастливые исключения, но Лена к счастливым исключениям не относилась. Она была скорее безупречно несчастным подтверждением этого правила – ее любовь была в жизни единственной и, увы, роковой. После двадцати трех лет полного отсутствия взаимности приходилось это признать.

– Что ты там бормочешь? – все так же громко прокричал Женька, в три прыжка одолел пространство, их разделяющее, и через пару секунд его смеющиеся зеленые глаза были уже совсем рядом, а кудрявая черноволосая голова упиралась в спицы раздувшего от ветра зонтичного купола.

Под одним зонтом вдвоем сразу стало как-то тесно и чуть-чуть страшновато.

Ей всегда становилось немного страшно в его присутствии. Особенно – когда волей случая это присутствие оказывалось таким близким. Она боялась не его, конечно, а саму себя. Боялась расплакаться от этой близости, боялась наброситься на него с поцелуями, боялась наговорить глупостей, боялась собственной немоты, которая часто овладевала ею в такие моменты. Боялась выглядеть душой или показаться чересчур умной. Боялась умереть.

– Я... я спросила, что такое с моей... походкой, – пискнула она тоненьким голоском.

– А что с твоей походкой? – он уже не помнил. Озадаченно свел на переносице густые брови, изо всех сил делая вид, что серьезен.

Но все-таки не сдержался и щелкнул ее по носу.

Лена стояла, вся неживая, будто вылепленная из снега, а в глубине этой снежной пещеры полыхал, обжигая, крошечный живой костер, в который превратилось неощутимое еще минуту назад сердце.

– Ленка, – он улыбнулся. – Ленка Лисичкина. Сколько же мы с тобой не виделись?

Они не виделись ровно два года, пять месяцев и одиннадцать дней. Но надо было быть душой, чтобы решиться сообщить ему такие подробности.

– Долго, – пробормотала она в ответ.

– Года три, – подтвердил он, по-прежнему улыбаясь. – А ты все такая же. Только волосы покрасила. Зачем?

– Пытаюсь... пытаюсь стать блондинкой, – усмехнулась Лена.

Он сразу понял, что она имеет в виду. Так было всегда – они понимали друг друга с полуслова, и надо было быть дважды душой, чтобы влюбиться без памяти в человека, который в принципе мог бы стать тебе настоящим хорошим другом.

– Не пытайся, все равно не получится! – он рассмеялся, откровенно и с интересом изучая ее волосы в мелких каплях дождя. – Блондинкой надо родиться, и никакая краска здесь не поможет! А вообще, знаешь, тебе идет.

– Много ты понимаешь в блондинках, – усмехнулась она, пытаясь выглядеть ироничной. Но получилось как-то жалобно и со знаком вопроса в конце: ты *много* понимаешь в блондинках? Или все-таки *не много*?

Всего лишь семь лет ей удалось прожить на свете без этой дурацкой любви.

– Много! – он хохотнул, расслышав-таки ее вопрос. – И в блондинках, и в рыжих, и в русоволосых... А так же, особенно – в брюнетках...

Он не хвастался, просто дурачился, и наверняка понятия не имел, что ей захочется от этих слов заплакать.

– Почему в брюнетках – особенно?

– Потому что... Да ладно, потом объясню! – он махнул рукой. – Ты лучше про себя расскажи! Как ты-то?

«Последние двадцать три года – без изменений. Диагноз тот же, методов лечения наука еще не придумала, разговоры о том, что время лечит – сущая чушь, а в остальном...»

– Нормально, – коротко произнесла она вслух окончание мысленной тирады.

– «Нормально!» – он передразнил ее, наморщив нос, и очень похоже копируя ее интонации. – Нет, Лисичкина, это не ответ! Мы с тобой не виделись почти три года, а теперь вот увиделись, и ты мне говоришь – «нормально»? И это все, что ты можешь сказать?

– Это далеко не все, что я могу тебе сказать, – ответила Лена и, осмелев, добавила: – Кстати, могли бы видеться чаще, чем раз почти в три года. Я тебе, между прочим, в прошлый раз свой телефон оставляла...

– Ну, не дуйся, – примирительно сказал он и снова щелкнул ее по носу. – Кажется, я его потерял.

Убить его хотелось за эти щелчки. В самом деле, пора понять, что ей уже не семь лет. Не десять, и даже не пятнадцать. Что она давно уже серьезная взрослая женщина с серьезной взрослой профессией.

– Я не дуюсь, – ответила она, отворачиваясь.

– Слушай, а что это мы с тобой, как два дурака, стоим под дождем, когда можно пойти в машину и спокойно там разговаривать? Ты не знаешь случайно?

– Мы не под дождем стоим, а под зонтом, – поправила Лена.

– Это чудовище ты называешь зонтом? – поинтересовался Женька, насмешливо глянув на купол, который за время их разговора, оказывается, успел уже вывернуться наружу двумя спицами.

– Зонт как зонт, – ответила Лена, почему-то обидевшись. Несмотря на то, что сама этот зонт жутко не любила.

– Ладно, не переживай, я тебе новый подарю! На день рождения! Хотя, нет, постой... У тебя ведь день рождения, кажется, недавно прошел...

– Потрясающая у тебя память, Шевцов. Не зря в школе учителя хвалили.

– Ох, не зря! – он, кажется, и не заметил ее язвительного тона. – Не голова – компьютер! Так мы идем в машину? Или так и будем здесь торчать под этим твоим, с позволения сказать, зонтом?

Ей совершенно не хотелось идти к нему в машину. Хотелось обидеться на него – за то, что щелкал ее по носу, что называл ее зонт чудищем, что потерял номер ее телефона и забыл, когда у нее день рождения. Обидеться и послать его подальше.

А больше всего на свете хотелось его – разлюбить.

– Пойдем! – он потянул ее за руку, и она пошла, не сопротивляясь, как послушная марионетка, которая только для того и создана, чтобы ее дергали за веревочки.

В машине было тепло и сухо. Тихонько работал приемник, настроенный на какую-то классическую радиостанцию, беззвучно бегали по лобовому стеклу дворники, а внутри, под сиденьем, был спрятан какой-то хитрый прибор, который делал это сиденье ужасно теплым.

Лена совсем не разбиралась в машинах и не знала, что это за прибор.

По-прежнему хотелось расплакаться. Особенно теперь, под музыку Вивальди, свалив всю вину на пронзительную грусть знакомой мелодии.

– Есть хочешь? – поинтересовался Женька. Не дожидаясь ее согласия, нырнул в бардачок, откуда сразу же пахнуло какой-то вкусной и очень мясной едой.

Пока он копошился в бардачке, Лена разглядывала его темную макушку с завитками почти негритянских волос, и с трудом сдерживалась, чтобы не запустить в эти волосы пальцы.

– Вот, – он наконец разогнулся и принялся шуршать, разворачивая у себя на коленях большой бумажный пакет с фирменной надписью всем известного предприятия быстрого питания. Вытащил из пакета большую круглую булку, завернутую в непромокаемую бумагу, и протянул ей:

– Фастфуд – великая вещь! И никто не докажет мне, что американцы, которые изобрели гамбургеры – тупая нация. Ешь.

Лена послушно развернула бутерброд, неожиданно ощутив внутри, кроме пылающего сердца, еще и призывно урчащий желудок.

– Купил по дороге, – сообщил Женька, уничтожая одним укусом почти половину. – Два. Как будто знал, что тебя встречу...

Он говорил с набитым ртом, и вместо «знал», у него получилось «жнал», а вместо «встречу» – вообще что-то совершенно невнятное.

– Прожуй сначала, – усмехнулась Лена.

– Правильная ты наша, – невозмутимо ответил он, продолжая жевать.

Он всегда, в любой ситуации, был невозмутимым.

А она всегда была – правильной. С самого детства.

– Ну, рассказывай же наконец! Что у тебя в жизни новенького?

– Да у меня все по-прежнему. Правда, Женька. Даже и рассказывать нечего.

– Все еще работаешь в своем дурдоме?

– Все еще работаю. В дурдоме. Только он не мой, а государственный.

– Ну, это понятно. А на личном фронте? Без перемен?

– Без перемен, – легко подтвердила Лена, вспоминая, что тогда, два года, пять месяцев и одиннадцать дней назад, он задавал ей те же самые вопросы.

– По-прежнему с этим... как его... Сашей?

– С Сашей, – кивнула Лена, слегка удивившись, что он почти без труда вспомнил имя.

– Замуж-то за него не вышла еще?

– Не вышла.

– А что так? Не зовет?

– Ну а тебе-то какая разница, зовет или не зовет? – усмехнулась она и в первый раз за время встречи посмотрела ему прямо в глаза.

Нет, не было ему никакой разницы. Можно было и не смотреть.

– Ваше дело, – охотно согласился он, доедая бутерброд. – Просто обычно люди после пяти лет близкого знакомства или женятся, или разбегаются...

– А мы вот не женимся и не разбегаемся, – отрезала Лена. Ей почему-то не нравился этот разговор. – Ты сам-то как? Не женился еще?

– Не женился. Но и не свободен уже. Почти год.

– Вот как, – сказала в ответ Лена.

И снова прозвучало жалобно, и снова возник в самом конце этот отвратительный знак вопроса, который свел на нет все ее нелепые потуги выглядеть безучастной.

– Вот так, – беззаботно подтвердил Женька, но распространяться на эту тему почему-то не стал.

«Вот так», – мысленно повторила Лена, не понимая, что ей теперь нужно делать.

Выйти из машины, громко хлопнув дверцей?

Зареветь в голос?

Рассмеяться и сказать, что он ей врет, потому что нет на свете такой женщины, такой идиотки, которая смогла бы терпеть его дурацкий характер «почти год»?

Признаться в великой любви длиною в жизнь минус ранее детство, которое, конечно же, не считается?

Вариантов было множество, но каждый последующий казался еще более нелепым, чем предыдущий.

– Отвези меня домой, – тихонько попросила она.

Кажется, он не заметил никакой связи между этой просьбой и новостью, которую только что ей сообщил.

«Ну и слава богу», – облегченно подумала Лена.

В голове продолжали стучать невидимые молоточки: вот-так, вот-так, вот-так...

А, собственно, чего она хотела? Неужели всерьез верила, что этого «вот-так» никогда не случится? Неужели надеялась, что в один прекрасный день он явится к ней прямо домой с корзиной роз, упадет на колени и скажет, что наконец понял, кто на самом деле женщина его мечты? Неужели думала, что когда-нибудь перестанет для него быть просто Ленкой Лисичкиной – бывшей одноклассницей, с которой легко и весело, которую всегда можно с удовольствием щелкнуть по носу? Ленкой Лисичкиной, с которой можно встретиться раз в три года, поговорить о глупостях, записать номер ее телефона и на следующий же день этот номер телефона потерять?

Думала. Надеялась. Верила...

Дура.

– Отвезу, – послышался рядом его голос, вернувший к действительности. – Ты торопишься?

– Тороплюсь, – соврала она.

Он поверил, конечно.

– Жаль, что торопишься. Можно было бы посидеть где-нибудь, поболтать... Хотя, вообще-то, я и сам тороплюсь...

– В другой раз, – Лена выдавила из себя улыбку. Неужели он не понимает, что этого «другого раза» может вообще не случиться? Или верит в то, что на этот раз не потеряет ее номер телефона? И если даже на самом деле не потеряет – позвонит?

В ответ он только кивнул и повернул ключ зажигания. Двигатель зашумел, и машина медленно сползла с тротуара.

Они ехали неторопливо, а потом еще долго стояли возле ее подъезда, вспоминали истории из школьной жизни, смеялись в два голоса. Напоследок он записал номер ее телефона. На этот раз – не на клочке бумаги, а в записной книжке мобильного.

– Теперь не потеряю, – улыбнулся он на прощание, наклонился и поцеловал ее в пылающую щеку. – Жаль, не удалось нормально пообщаться. Я по тебе скучал.

– На свадьбу-то пригласишь? – поинтересовалась она, отворачиваясь. Место его мимолетного, ничего не значащего поцелуя горело на щеке огнем.

– Приглашу, конечно, – обрадовался он. – Только мы пока еще не решили со свадьбой... Но как решим, я тебе непременно сообщу!

– И я тебе тоже... Сообщу, как только мы решим со свадьбой.

– Ага. Сообщи обязательно...

Она уже вышла из машины и боролась с зонтом, когда он снова ее окликнул, приоткрыв дверцу:

– Лен!

– Ну, что еще? – обернулась она.

– Ты Сашке своему привет от меня передавай! И скажи, чтоб не обижал тебя, иначе я ему морду набью! А вообще, знаешь, я в первом классе был совершенно уверен, что, когда вырасту, женюсь на тебе!

– Ага. Я помню, ты мне говорил. Куда уходит детство... Сашке про морду передам, не беспокойся. Только ты не думай, он меня не обижает.

– Ну вот и ладненько!

Захлопнулась дверца, исчезли едва различимые сквозь шум дождя звуки какой-то минорной сонаты из радиоприемника. Машина развернулась и медленно покатила вперед по мокрому растрескавшемуся асфальту. Лена раскрыла зонт, и налетевший порыв ветра буквально через несколько секунд вывернул купол наизнанку.

* * *

По дороге Евгений заскочил в супермаркет и долго ходил между рядами, волоча за собой большую тележку на колесах, которая к концу этого путешествия оказалась переполненной.

«Кажется, ничего не забыл», – с некоторой растерянностью подумал он, оглядывая тележку.

Впрочем, самое главное присутствовало: бутылка шампанского, головка французского сыра и коробка шоколадных конфет. Все остальное было лишь будничным приложением и большой роли в этот вечер не играло. За несколько месяцев почти семейной жизни Евгений много раз пытался научиться покупать то, что нужно, и не покупать того, что не нужно. Но всегда получалось почему-то наоборот, поэтому он решил покупать теперь все подряд и в больших количествах, чтобы домработница тетя Алла на него не ворчала.

«Домоправительница», – с усмешкой поправил он себя.

Это название гораздо больше отражало сущность крепкой и кряжистой женщины с большими и сильными руками и мрачноватым взглядом. Евгений даже побаивался в глубине души этой суровой дамы слегка за пятьдесят и в ее присутствии ощущал себя первоклассником, получившим первую и самую страшную в жизни двойку. Хотя и понимал, что это ужасно глупо – испытывать робость и детский страх в присутствии домработницы, но поделать с собой ничего не мог. Янка нашла с тетей Аллой общий язык в первый же день, называла ее исключительно «тетечкой Аллочкой» и часто о чем-то доверительно шепталась с ней на кухне, а над его робостью перед «домоправительницей» лишь посмеивалась. Рассказывала, что тетя Алла – очень романтическая особа, что в жизни у нее было множество красивых мужчин и бурных романов, а одна она осталась потому, что тот единственный, которого она любила, предпочел ей другую... Евгений лишь усмехался в ответ, растерянно пожимая плечами. Представить себе тетю Аллу в роли роковой соблазнительницы, а уж тем более – в роли страдающей от неразделенной любви молодой красотки было затруднительно. Наверное, нужно было родиться на свет женщиной, чтобы разглядеть в этой фурии милый и безобидный цветок.

И надо же было такому случиться, что в агентстве им порекомендовали именно ее. Хотя были и другие кандидатуры, но Янка категорически всех отвергла. Из-за возраста, со смехом заявив, что не потерпит в доме присутствия еще одной молодой и, вполне возможно, симпатичной женщины.

Смешная она, все-таки. Всерьез думает, будто для него могут в принципе существовать какие-то молодые симпатичные женщины. Не понимает, что все они для него теперь – на одно лицо. Вообще без лица. Вообще без возраста и без фигуры...

Смешная. Хотя, если бы год назад кто-нибудь сказал, что с ним может такое случиться – он бы не поверил ни за что в жизни. Да и никто из тех, что знали Евгения достаточно близко, наверняка не поверил бы в возможность такого странного превращения. До встречи с Яной он шел по жизни легко и менял женщин, как перчатки. Теперь все изменилось: «перчатка» подошла по цвету и по размеру, так ловко и удачно села на руку, что менять ее больше уже не хотелось.

«Стареешь», – шутили приятели.

«Может быть», – отвечал он совершенно спокойно, а про себя думал: если это называется старостью, значит, старость в жизни самая замечательная пора, и ему крупно повезло, если удалось дожить до нее так быстро, оставив про запас еще как минимум половину жизни.

Хотя началось-то все с совершенно обычного знакомства в баре. Со случайного прикосновения ладоней, освещенных узким языком пламени от зажигалки. Таких знакомств за прошедшие годы у него было – десятки, а может быть, даже сотни. Каждый раз все начиналось одинаково и заканчивалось через неделю-другую. Без сожалений, без воспоминаний,

без душевных травм и почти без эмоций. Казалось, что так будет всегда, и никаких особенных предчувствий он не испытывал в тот вечер, разглядев за соседним столиком субтильную коротко стриженную брюнетку, которая задумчиво вертела в руках необычного вида тонкую сигарету. Решив просто предложить прикурить, он подумал, что знает наперед весь сценарий короткометражного фильма их отношений.

Только в тот момент, когда взгляды их встретились, он понял, как сильно ошибался.

А ведь все могло бы быть по-другому. В баре в тот вечер – впрочем, как и в любой другой – полным-полно было скучающих субтильных брюнеток, и пышных блондинок, и раскрепощенных рыжеволосых стервочек, стреляющих глазками направо и налево в надежде подцепить нескучного и небедного спутника на один вечер, а там – как получится... И он вполне мог бы выбрать одну из них, пройдя мимо той, которая оказалась единственной.

Странная все-таки штука – жизнь, привычно подумал он, загружая в багажник два огромных пакета, набитых продуктами. Коробку конфет и бутылку шампанского он уложил в салоне на заднем сиденье, чтоб ничего не помялось и не разбилось, а по пути заехал еще в цветочный бутик, забрал букет, который заказал заранее еще неделю назад.

Он отдал за букет сумасшедшие, немыслимые деньги. Но денег было не жалко, потому что Яна любила цветы, и особенно – розы. Он смотрел на темно-красные, тесно прижавшиеся друг к другу бутоны, усыпанные, будто жемчужинами, прозрачными каплями влаги, и заранее уже радовался, представляя себе, как ахнет Янка, как едва не расплачется от счастья, увидев это великолепие, как станет ругать его и обзывать сумасшедшим.

Он больше всего любил ее в такие минуты – растерянную и счастливую. От растерянности ее темно-карие глаза светлели, становились влажно-золотистыми, почти рыжими. От счастья дрожали ресницы, и на бледных щеках выступал едва заметный прозрачный румянец.

Он знал заранее, что будет потом. Романтический ужин при свечах придется отложить, потому что они оба не смогут сдержаться – забудут про розы и про шампанское, забудут про все на свете и наверняка не успеют даже дойти до спальни, задохнутся от поцелуев где-то на полпути, запутаются в ненужной одежде, провалившись в оглушающую и мучительно сладкую темноту временного небытия.

А, очнувшись, будут долго смеяться, и обмениваться преувеличенно серьезными обещаниями, что больше такого безобразия не повторится. Рассуждать о том, что пора бы уже успокоиться и перестать набрасываться друг на друга, как два диких голодных зверя, посреди квартиры, в прихожей, в кухне, в кабинке лифта и еще черт знает где – знать бы заранее, в какой момент это может случиться! И снова будут целоваться, неторопливо и нежно – так, как умеют целоваться только они двое и только после любви.

Где-то там, посреди этих поцелуев, он сделает ей предложение. Сегодня, в день ее двадцатипятилетия, попросит наконец о том, чтобы она стала его женой.

Слово «жена», которое раньше, в зависимости от настроения, то пугало, то смешило его, теперь стало безумно нравится. Теперь оно казалось уютным и ласковым. Слово «жена» очень подходило Янке, только произносить его нужно было шепотом, тихо-тихо, и непременно – уткнувшись губами в коротко стриженный ежик темных волос, в теплую, пахнущую лесными травами, макушку.

У него всегда начинала кружиться голова, стоило только представить себе этот запах.

Она согласится быть женой.

По-другому и быть не может. Она согласится и тоже полюбит слово «жена», и будет отзывать на него с ласковой улыбкой. А в остальном, конечно же, все останется по-прежнему. По утрам он будет будить ее, целуя теплую розовую щеку, приносить кофе в постель и долго смотреть, сидя в кресле напротив, как она сердито и обиженно просыпается, как проклинает неизвестного ей министра образования, который придумал, чтобы занятия в музыкальных школах начинались в восемь часов утра, как сладко зевает и хмурит смешные короткие брови. Вечером

она всегда будет ждать его с работы, разогревать в микроволновке ужин, молча улыбаться, сидя напротив и наблюдая за его трапезой, лишь кивком головы отвечая на его неважные вопросы...

Вот ведь, как в жизни бывает. На самом деле, если бы год назад кто-нибудь предсказал ему такое будущее сплошь в розовых тонах, он бы поставил на кон все свои капиталы, включая недвижимость, абсолютно уверенный в том, что уж с ним-то такого никогда не случится. Все эти душещипательные картинки уютной семейной жизни казались примитивными до безобразия и никаких иных чувств, кроме тошноты, не вызывали.

Хорошо, что не пришлось ставить на кон недвижимость и капиталы. Иначе бы остался сейчас без копейки денег и без крыши над головой, это уж точно.

Он улыбался своим мыслям, неторопливо прогревая двигатель, который за время его пребывания в цветочном магазине успел остыть.

Букет в виде красного сердца с белой каймой по краям, составленный из ста одного розового бутона, с трудом удалось разместить на заднем сиденье. Этот вопиюще сентиментальный, абсолютно пошлый с точки зрения «здорового» человека букет в виде сердца был лишь приложением к подарку, который Евгений купил почти месяц назад в ювелирном магазине.

На тоненьком колечке из белого золота поблескивала мелкая россыпь драгоценных камней. Он некоторое время рассматривал кольцо, наблюдая, как преломляются, отражаясь в его поверхности, лучи тусклого вечернего света. Потом положил кольцо обратно в бархатную коробочку и спрятал в нагрудном кармане пиджака.

Коробочка, кстати, тоже была сделана в виде сердечка.

«Идиот», – подумал он, вслух рассмеявшись. И добавил, неизвестно к кому обращаясь: – Зато – счастливый.

Машина легко тронулась с места, и через несколько минут он уже парковал ее на небольшой крытой стоянке возле подъезда, раздумывая, как бы умудриться в один прием отнести домой и цветы, и шампанское, и два огромных пакета с продуктами.

В лифте пришлось терпеть неприятное соседство.

Евгений, увлеченный процессом загрузки своих покупок в кабину, даже и не заметил, как сзади подошел и втиснулся в узкий промежуток между дверью и его спиной примерзкий старикашка, которого в подъезде все называли Слизнем. Отчасти, потому что фамилия у него была Слизнев, отчасти – из-за того, что и в самом деле был он похож на гадкого червя.

С виду Слизню было лет семьдесят, хотя на самом деле был он гораздо моложе, лет на десять или, может быть, на целых пятнадцать. Неумеренное употребление отнюдь не самых благородных спиртных напитков на протяжении всей жизни давало о себе знать – лицо у старика было одутловатым и красным, изрисованным тонкой сетью растрескавшихся капилляров. Раньше Слизень проживал и делил бутылку на двоих с сыном. С тех пор, как алкаша Генку посадили в тюрьму за изнасилование, отец стал пить и за себя и за него, и опустился на дно окончательно и бесповоротно. Хотя, поговаривали, что когда-то Слизень был профессором в университете, на кафедре славянской лингвистики, славился едва ли не на всю страну своими профессорскими работами и даже стал автором пары учебников для вузов. Впрочем, этим слухам мало кто верил.

В вечном своем твидовом пиджаке, вне зависимости от времени года, теперь бывший профессор часто валялся возле подъезда под скамейкой, иногда с разбитой головой или с большим синяком под глазом. Запой у Слизня длились по несколько месяцев. К этим запоям, как и к ночующему под скамейкой Слизню, все привыкли и иногда по-дружески транспортировали его на девятый этаж, заботливо укладывали на коврик возле собственной двери, если не удавалось добиться от Слизня внятного ответа на вопрос, где ключи от квартиры. А если удавалось – то заносили в квартиру и укладывали на диван.

Привык к пьяному Слизию и Евгений. И не обращал на него никакого внимания до тех пор, пока не случился тот отвратительный эпизод возле лифта. Даже теперь, спустя почти полгода, он невольно сжимал кулаки, вспоминая испуганный взгляд Яны и мерзкую похоть в неожиданно трезвых глазах старика.

Было начало лета, и они только что вернулись с дачи одного из приятелей, откуда Яна привезла два ведра земли, чтобы пересадить цветы на балконе. Цветов на балконе было видимо-невидимо, она начала разводить их едва не в первый же день своего переезда к Евгению, и никогда не покупала землю в магазинах, считая, что «настоящая» лесная земля цветам будет гораздо полезнее. Как это часто случается, в багажнике, кроме двух ведер с полезной землей, оказалось еще целых три пакета с продуктами и с дачной одеждой. Евгений оставил Яну возле лифта одну всего лишь на несколько минут – ушел забрать из машины оставшиеся два пакета. Но что-то замешкался с забарахлившей сигнализацией, а когда наконец разобрался и вернулся, едва не задохнулся от ярости, увидев, что происходит.

Янка стояла, прижатая к стенке, упираясь крошечными кулачками в грудь навалившегося на нее невесты откуда взявшегося Слизня. Евгений застыл на секунду, ошарашенный, словно под гипнозом наблюдая кадры из замедленной киносъемки: крючковатые темно-коричневые пальцы, торопливо блуждающие по белоснежной, запрокинутой назад, шее, скользнувшие по бедру, по талии и снова вверх, к двум маленьким холмикам.

Пальцы были похожи на огромных уродливых тараканов. И казалось, что этих тараканов на Янке – видимо-невидимо, что она вся ими усыпана, и с каждой секундой их становится все больше и больше. Еще несколько таких секунд – и Янка совсем исчезнет...

А потом он услышал ее крик, и этот крик словно сорвал пелену, которая окутывала сознание – он бросился к Слизию, схватил его за шкурку и отшвырнул от Янки в неосвещенный угол лестничной клетки. Старик, оказавшийся на удивление легким, как пустая шкурка давно сгнившего изнутри зверька, заверещал и смачно выругался. Раздался глухой удар, последовала очередная порция грязного мата, и снова удар, и снова крик и ругань...

От ярости он почти не помнил себя и не понимал, что делает. Когда Яна наконец оттащила его от забившегося в угол истошно вопящего Слизня, он огляделся вокруг, с удивлением замечая чьи-то лица, слыша слова, но не понимая их смысла.

Взяв за руку, как маленького ребенка, она увела его домой, усадила в кресло, в два приема перетаскала в квартиру оставшиеся сумки и надолго скрылась в ванной. Евгений слушал, как шумят, ударяясь о занавеску, струи воды, и все никак не мог прийти в себя от бешенства.

В ушах почему-то продолжали звучать, не смолкая, жалобные вопли Слизня:

«Она сама! Сама, говорю тебе, захотела!...»

«Убью», – тупо подумал тогда Евгений.

Янка вышла из ванной через час. Тихонько прошмыгнула мимо, заварила на кухне чай, принесла его любимую огромную чашку, уселась рядом, поджав под себя босые ноги с ярко-розовыми от горячей воды пятками, и тихо сказала:

«Ну, все. Было – и прошло. Этот гад свое получил, и давай забудем...»

«Давай забудем», – согласился Евгений, хотя понимал, что едва ли ему удастся *это* забыть.

И если даже когда-нибудь это случится, то случится очень нескоро, и уж точно – не в этой жизни.

Теперь он стоял сзади и хрипло дышал Евгению в спину.

За прошедшие несколько месяцев это была уже далеко не первая такая вот вынужденная встреча. И каждый раз невольно сжимались кулаки, а перед глазами начинали бегать те самые тараканы, и трудно было сдержаться, чтобы снова не накинуться на этого похотливого подонка.

Лифт полз вверх слишком медленно, поднимался на девятый этаж целую вечность. Скрипнув, открылись наконец двери, зашаркали по бетонному полу торопливые шаги. Евгений, ухватив взглядом твидовый пиджачишко, нажал на кнопку последнего, десятого этажа.

Уже разбирая на кухне пакеты с продуктами, он все еще чувствовал тупую ярость.

Так было всегда после этих встреч, и в последнее время он даже всерьез подумывал об обмене квартиры. Яна в ответ смеялась, говорила, что это ужасно глупо – переезжать из такого красивого и чистого района неизвестно куда только лишь потому, что раз в месяц, а то и реже, приходится в течение одной минуты делить кабину лифта с пьяным Слизнем.

«Хотя сегодня он, кажется, трезвый был», – подумал Евгений, вспоминая, что привычного «амбре» в кабине лифта не ощущалось. И сразу же разозлился на себя за то, что вообще думает об этой мрази.

Тем более – в такой день.

В такой день мысли должны быть чистыми и светлыми. Жаль, нельзя промыть себе мозги под краном, предварительно хорошенько намылив их шампунем. Жить стало бы намного проще, если бы люди научились промывать собственные мозги и избавляться ненужных мыслей.

Яна работала до шести и возвращалась домой обычно около семи. До ее прихода оставалось еще почти два часа, за это время нужно было успеть переделать кучу дел, чтобы сюрприз получился настоящим, без сучка и без задоринки. В гостиной уже висели шары – Евгений заказал оформление еще накануне, декораторы составляли композицию в его отсутствие, но под присмотром строгой тети Аллы, на которую, надо отдать ей должное, в этом вопросе вполне можно было положиться. Из белых, красных и синих небольших по размеру шаров была составлена подобающая случаю надпись «С днем рождения!», растянувшаяся на всю стену. Шарами был украшен проем двери и даже прихожая.

Небольшой круглый столик уже был застелен ажурной белоснежной скатертью. На нем сверкали фужеры муранского стекла и серебряные столовые приборы, начищенные до сказочного блеска, а в самом центре красовался латунный подсвечник и две тонкие белые свечи. Об этом заранее по просьбе Евгения позаботилась все та же тетя Алла, она же притащила из дома феерических размеров хрустальную вазу для цветов и даже заполнила ее водой. Все-таки приходилось признать, что в хозяйстве «домоправительница» человек незаменимый...

Когда продукты, включая сыр и шампанское, были наконец рассортированы по отделениям холодильника, а цветы уместились-таки в огромной тети Аллиной вазе, Евгений наконец немного успокоился. Заварил себе чашку чая и даже посмотрел вечерние новости по телевизору. Впрочем, лишь номинально – мысли все равно были далеко от проблем мирового масштаба. Слишком важным в его личной жизни был этот вечер, чтобы отвлекаться на разные пустяки вроде очередного заказного убийства банкира, судьбу шахматной короны или список лауреатов Нобелевской премии. Даже победа футбольной сборной в очередном матче отборочного тура не вызвала практически никаких эмоций. Он смотрел на уставшие и счастливые лица только что отыгравших важную игру футболистов, а сам думал о том, как позвонит завтра прямо с утра родителям и как бы между прочим, в ответ на привычный будничным вопросом, что новенького, ответит: «Вот, женюсь...»

Отец едва ли проявит какие-то эмоции. Хотя в глубине души, конечно же, за него порадуется. Прежде всего, потому что всегда был сторонником «правильных» отношений, и совместное житье, не подкрепленное печатью в паспорте, по-старинке считал аморальным. Да и Янка пришлась ему по душе, кажется, с первого взгляда, хотя свои эмоции он по-привычке скрывал, делая вид, что не считает нужным вступать в «родственные» отношения с девушкой, которая, может быть, окажется всего лишь очередным эпизодом в жизни его безответственного и несерьезного сына. Вот теперь, когда узнает, что Янка – совсем никакой не эпизод, наверняка будет относиться к ней с большей теплотой. По-отечески, как и положено.

Мать, конечно же, будет просто без ума от счастья. Она уже лет десять назад начала мечтать о том, как бы «пристроить» сына в надежные руки, всегда переживала по поводу неустроенности его быта, сокрушалась, что он ест всухомятку и относит стирать белье в прачечную. Первое время все сватала ему дочерей своих подруг и бывших однокурсниц. Евгений всех отвергал, придумывая нелепые причины – у одной его не устраивала длина носа, у другой – длина ног, у третьей – длина волос. Когда в жизни сына наконец появилась девушка, с которой он не расстался через неделю после знакомства, мать несказанно обрадовалась и теперь считала Янку почти что дочкой. Несмотря на то, что сумасшедшая загруженность на работе в принципе не подразумевала жизни без гамбургеров, чизбургеров, хот-догов и прочей «дряни», которая, по твердому убеждению матери, портила Евгению «и без того слабый» желудок.

В чем заключалась слабость его желудка, он так до сих пор, кстати, и не выяснил. Наверное, как раз в пристрастии к фаст-фуду и заключалась...

Время тянулось медленно, и ускорить его течение никак не получалось. Не помог телевизор, не помогла пачка глянцевых дамских журналов, которую он взял со стола и долго листал, раздражаясь от того, что в журналах этих сплошная ерунда и совсем все не по делу написано, а потом наконец понял, что журналы эти дамские, глянцевые, откуда в них может быть что-то по делу?

В тот момент, когда запела голосом Мадонны домашняя трубка, он вяло болтал в любимой большой чашке уже третий заварочный пакетик.

Евгений, услышав голос Мадонны, вздрогнул.

Это Янка придумала купить домой трубку с таким звонком, на который можно выстав-лять разные мелодии. Раньше трубка была совершенно обыкновенная, звонила нормальной телефонной трелью, не провоцируя никаких эмоций. Эта старая трубка звонила в квартире лет шесть, и ему почему-то было жалко расставаться с ней, такой родной, потертой по краям, с западающей «пятеркой».

К новой трубке, которая появилась в квартире два месяца назад, он никак не мог привыкнуть, всегда пугался невесть откуда взявшейся в квартире Мадонны, всегда не сразу сообщал, что это никакая не Мадонна, а просто телефон.

Наверное, он и правда старомодный. Янка именно так объяснила его неприязнь к новенькому и стильному серебристому телефонному аппарату.

– Привет, – родной голос, доносящийся сквозь слабое потрескивание телефонного эфира, почему-то показался ему грустным. – Ты уже дома, да?

– Да, вот только минуту назад зашел, – запланировано соврал Евгений. – А ты уже едешь?

– Представь себе, еще не еду. Стою на остановке.

– На остановке? – удивился он в ответ. – Почему на остановке?

– Догадайся с трех раз, – предложила Яна.

Евгений уже догадался, конечно, что все дело в ее машине, далеко уже не первой свежести «девятке», которую вчера вечером он лично отогнал на станцию техобслуживания и которую клятвенно обещали починить сегодня к обеду. Поломка была не слишком серьезной – забарахлил карбюратор. По-хорошему, работы было часа на два. Или на три, в самом крайнем случае.

– Что, не успели отремонтировать твой карбюратор?

– Не мой карбюратор, а карбюратор моей машины, – с грустной усмешкой поправила Яна. – И я понятия не имею, успели или не успели они его отремонтировать. У них здесь закрыто.

– Вот черти, – беззлобно выругался Евгений. – А ты им звонила?

– Да зачем им звонить. У них там милиции полным-полно вокруг станции. Отцепили, никого не пускают. Не знаю, что случилось... Да и какая разница. Придется теперь, хочешь, не хочешь, ехать домой на маршрутном такси. Или на автобусе.

– Лучше все же на маршрутном такси, чем на автобусе. В автобусах толкучка и кошельки всегда вытаскивают. А вообще, хочешь, я за тобой приеду?

– Да брось, – отмахнулась Яна. – Сама доберусь. Здесь ехать-то всего минут двадцать.

– Тогда я тебя встречу. На остановке.

– Смешной ты. Неужели думаешь, я сама от остановки до дома не дойду?

– И не спорь! Пусть я смешной, но на улице, между прочим, уже темно. И я тебе не позволю ходить одной по темной улице. Даже от остановки до дома.

Она тихонько засмеялась в трубку, так, как смеялась всегда, когда хотела его отругать, а вместо этого целовала.

– Ладно, – согласилась она. – Позвоню. Если ты считаешь, что по дороге от остановки до дома меня будет ждать целая банда вооруженных грабителей – вдвоем с ними будет бороться веселее, правда?

– Правда, – успокоившись, согласился Евгений. – Намного веселее.

Она снова тихо засмеялась и отключилась.

Евгений постоял еще несколько секунд возле телефонной базы, раздумывая, как бы теперь получше все устроить. Первоначально планировалось, что он спрячется на кухне, едва услышав, как поворачивается в замке ключ. И появится только в тот момент, когда Янка, включив свет в гостиной, ахнет и уже начнет потихоньку ругаться. Подойдет сзади, обнимет ее за плечи, и...

Теперь в первоначальный план пришлось внести некоторые коррективы.

Впрочем, от этого суть не менялась.

* * *

На улице по-прежнему шел дождь, противный и колючий. Ветер срывал с деревьев мокрые желто-коричневые листья, которые в темноте ноябрьского вечера казались растерянными крошечными птицами, потерявшими ориентир в полете. В сточных трубах бурлила вода, свет фонарей отражался мутными бликами в глубоких и мутных лужах. На душе почему-то стало тоскливо.

Это был его самый нелюбимый месяц, ноябрь.

И дело было даже не в погоде. Просто ноябрь всегда получался какой-то невезучий. Почти каждый год именно в этом месяце случалась какая-нибудь неприятность, и со временем Евгений уже научился ждать неприятностей от ноября, принимая их, как неизбежность. Как будто судьбе угодно было именно этот месяц выбрать в качестве «расчетного»: в какой-нибудь неприметный серый денек она тихонько приоткрывала дверь, слащаво улыбалась и говорила, противно растягивая слова: здравствуйте, уважаемый Шевцов Евгений Владимирович! А не пора ли нам с вами подбить ежегодный баланс? Что-то подсказывает мне, что баланс этот у нас не сойдется! Дебит и кредит в большом противоречии! А раз так, получите, уважаемый Евгений, как вас там дальше, свою порцию гадостей, чтоб жизнь не казалась вам розовой сахарной ватой! Уж извините, а если что не так, то можете жаловаться в небесную канцелярию! Только сразу предупреждаю: жалобу вашу, не читая, сразу же отправят в мусорную корзину. Так что лучше бумагу не марайте и время свое понапрасну не тратьте! И до следующей встречи – в ноябре, как обычно...

Спрятавшись под зонтом, Евгений шагал вдоль дороги к остановке, мысленно представляя себе ее – судьбу, которая тихонько приоткрывает дверь его домашнего кабинета. У судьбы почему-то были длинные белые волосы и красный маникюр, как у бухгалтерши Дарьи Протасовой. И даже юбка была точно такая же, как у Дарьи – черная, чуть выше колен, с выглядывающей из-под подола лентой красного кружева. И чулки в сеточку.

Странно, и почему это он свою судьбу в виде Дарьи представляет? Потому что ли, что Дарья тоже дебитом-кредитом в их строительной фирме заведует?

Он улыбнулся своим мыслям, решив, что непременно завтра расскажет Дарье про свои странные аллегории. Сделает подходящий по случаю комплимент и попросит по-человечески больше в ноябре к нему не приходиться... Вообще забыть про него на ближайшие лет пятьдесят, а там уж как получится...

Настроение немного улучшилось, хотя непонятная тоска где-то в самой глубине души еще оставалась.

Остановившись на перекрестке, он поежился от холода. Холодный мокрый ветер летел прямо в лицо, пришлось защищаться от него зонтом, слушая барабанную дробь стучащих о натянутый купол капель. Этот звук напомнил ему сегодняшнюю встречу с бывшей одноклассницей Ленкой Лисичкиной.

Надо будет ей позвонить, подумал он, и сразу же забыл про Ленку, потому что увидел вильнувшее к обочине маршрутное такси. Номер маршрутки был как раз тот самый, который он ждал. Евгений шагнул к обочине и сразу же увидел, как из приоткрывшейся дверцы выпрыгнула Янка.

Выпрыгнула, огляделась по сторонам, прищурившись, и радостно улыбнулась, увидев его. Шагнула навстречу, к нему под зонт, и уткнулась мягким ежиком волос ему в шею.

Ежик был чуть-чуть мокрый, но все такой же родной, и пах знакомыми духами «Хуго дип ред», которые были подарены ему весной, на восьмое марта.

– Моя, – прошептал он ежику.

Яна согласно кивнула, подняла лицо и снова улыбнулась ему.

– А знаешь, ездить в транспорте не так уж и ужасно, как может показаться на первый взгляд! Мне даже понравилось!

– Вот как? И чем же тебе так понравилось ездить в транспорте?

– Ну, во-первых, было весело. У водителя на полную мощь играло «Волжское радио», там была передача «Музыкальный подарок». Молодежь звонила в студию и заказывала музыкальные подарки.

– И что же в этом смешного?

– Ничего. Просто ведущий очень забавный. Все время шутит.

– Понятно. А во-вторых, чем тебе понравилось ездить в транспорте?

– Во-вторых – это самое главное. В транспорте тебя везут, понимаешь? И тебе не надо следить за дорогой, и нервничать из-за всяких идиотов, которые мечтают подрезать или едут наперерез, не снижая скорости, по второстепенной дороге...

– Может быть, найдем тебе водителя? – всерьез спросил Евгений.

Яна в ответ рассмеялась.

Они так и стояли у обочины, не двигаясь с места, и, казалось, оба совсем забыли о том, что нужно куда-то идти.

Вдвоем под зонтом стало уютно, как будто под крышей маленького дома, и барабанная дробь капель теперь казалась веселой музыкой, импровизированным попури классических мелодий бесшабашного рок-н-ролла.

– С ума сошел, – сказала она наконец, целуя его в подбородок. – Девки на работе совсем от зависти поумирают. И так я одна из всего педколлектива на собственной тачке. Если у меня еще и водитель будет... Нет, точно поумирают. Тебе их не жалко?

Ему было не жалко. Свою «девятку» он отдал Яне три месяца назад, когда купил себе более практичную, удобную и «мужскую» «Ниву». В ближайшем будущем «девятку» планировалось заменить на что-нибудь более новое и современное. Евгений собирался сделать Яне подарок в виду машины на будущий новый год, а теперь твердо решил нанять еще и водителя,

и ему было совершенно наплевать на каких-то незнакомых ему девок, которые могут поуми-
рать от зависти.

– Пусть поумирают, – настырно ответил он. – Это их проблемы. Зато тебе не придется
следить за дорогой и нервничать из-за идиотов. Ты часто из-за них нервничаешь?

– Не часто, – подумав, ответила она. – В основном, они нервничают из-за меня...

– Вот как, – усмехнулся он, прижимая ее к себе.

Категорически не хотелось никуда уходить. Так бы и стоять на обочине дороги, согревая
друг друга теплым дыханием и поцелуями. И черт бы с ним, с шампанским и с букетом цветов
в виде сердца...

Только ведь и кольцо осталось дома.

Вспомнив про кольцо, он снова заволновался.

– Ты чего? – она сразу заметила перемену в его настроении, подняла лицо и пристально
посмотрела в глаза.

– Ничего. Просто домой идти не хочется.

– А надо? – поинтересовалась она, блеснув лукавым взглядом.

Конечно же, догадывалась, что дома ее ждет сюрприз. Только пока не знала – какой.

– Не знаю. Вообще-то, я был бы совсем не против провести остаток жизни под этим зон-
том. Здесь, на остановке. При условии, что ты всегда будешь рядом. Как ты на это смотришь?

– Вообще-то, – ответила она, подумав, – неплохая идея. Только если мы захотим, напри-
мер, спать? Или – есть?

– Тогда сходим на минутку домой. Если захотим есть. Или... спать.

– Спать – прежде всего, – ответила она, коснувшись теплой улыбкой его щеки.

Они оба поняли, о чем сейчас говорят, и Евгений сразу же почувствовал, как в самом
низу живота растет маленький и тугой комочек тепла.

Еще секунду назад ему хотелось всю жизнь стоять под зонтом. Теперь уже – совсем не
хотелось.

Все-таки жизнь – переменчивая штука.

– Пойдем! – он потянул ее за руку, и она, тихо засмеявшись, засеменила следом, стуча
тонкими каблуками по мокрому асфальту.

– Подожди! Ты мне руку оторвешь! – взвизгнула Яна.

– Я ужасно хочу спать! – прорычал он в ответ, продолжая ее тянуть.

– А есть? Есть ты, что ли, совсем не хочешь? – пискнула она и снова рассмеялась, на
этот раз громко и звонко.

На остановке стояли люди. Втягивали головы в плечи и все, как один, смотрели на них.

Завидовали – сомневаться в этом не приходилось.

– Тебя, – он притянул ее к себе на секунду и выдохнул это маленькое слово в ямочку
на ее подбородке.

Яна поймала его за рукав и сунула руку под локоть, пристраиваясь под ритм его быстрых
шагов.

Остаток пути она увлеченно рассказывала о том, как прошел день на работе. Он внима-
тельно слушал и привычно удивлялся тому, что все эти этюды и гаммы, которые разучивала
Янка с учениками на занятиях в музыкальной школе, стали для него такими важными.

Важным было все, что хоть как-то ее касалось. Пусть невзначай, вскользь, самым кра-
ешком.

«Это любовь», – подумал он, совершенно не стыдясь этого слова.

В лифте он прижал ее к себе, заранее проклиная розы и шампанское, на которые теперь,
хочешь, не хочешь, а все равно придется потратить несколько драгоценных минут. Теряя
голову, залез руками под куртку, ощутил под пальцами лоскут горячей кожи, понимая, что на
этот раз им до дома не добраться.

Кабина лифта уже неоднократно служила приютом для их любви.

Яна ойкнула от прикосновения его пальцев.

– С ума сошел. Такие ледяные руки!

– Прости, – он отстранился, пытаясь прийти в себя. – Я на самом деле сошел с ума, кажется...

– Я тоже, – сказала она серьезно. – Только руки у тебя правда холодные, и в лифте холодно... Давай, все-таки...

Двери громыхнули и поползли в разные стороны – на этот раз путь до последнего этажа оказался на удивление коротким. Он отстранился, пропуская ее вперед.

От волнения пальцы слегка дрожали, когда он поворачивал ключ в замочной скважине.

Яна заметила эту дрожь, вопросительно подняла брови:

– Да что это с тобой сегодня?

– Ничего, – пробубнил он себе под нос, чувствуя себя провинившимся первоклассником. – Все в порядке. Ты первая заходи.

В квартире тихо играла музыка. «I've got to see you again» – ее любимая композиция в исполнении Норы Джонс. Уходя, он включил проигрыватель, настроив его в режиме постоянного повтора одного трека.

– Подожди. Не включай свет, – шепнул он, предупреждая сжимая ее пальцы.

– Ой, что-то будет, – насмешливо пропела она, но все-таки послушалась и не стала включать свет, поддерживая его игру.

Он наклонился и в темноте снял с нее сапоги. Расстегнул «молнию» на куртке и снял куртку, а потом легонько подтолкнул вперед, в гостиную:

– А теперь иди...

Яна послушно шагнула вперед, а он остался стоять в темноте коридора, ожидая, когда щелкнет выключатель.

Ждать пришлось недолго – свет вспыхнул, и Евгений не смог сдержать улыбки, представляя, как она сейчас станет на него ругаться за цветы. Начнет хмурить брови и выпытывать, сколько денег он выложил за букет. Он, конечно, не признается. А потом...

– Эй, Янка, – тихо окликнул он ее, чувствуя, что молчание почему-то затягивается.

Он видел сейчас только ее спину, и эта спина была до странности напряженной.

– Янка? – он шагнул к ней, не понимая, в чем дело.

В этот момент она обернулась, и он увидел ее бледное и испуганное лицо. Внутри что-то оборвалось и полетело вниз с гулким свистом.

– Ты... чего? – спросил он, пугаясь ее страха.

Она молчала. И с каждой секундой становилась все бледнее и бледнее.

Не успев ничего понять, он шагнул мимо нее в гостиную, чувствуя за спиной насмешливую улыбку той самой судьбы, которая, как всегда, выбрала не самый удачный день для расчетов...

Шагнул – и замер, в момент ощутив, как свернулась в венах кровь и остановила свое движение.

В кресле за столиком, накрытом на двоих, сидел Слиzeńь.

В своем привычном твидовом пиджачишке, из-под которого неопрятно выглядывала засаленная, выдавшая виды, рубашонка. В домашних тренировочных штанах с отвисшими коленками и в дырявых тапочках.

Слиzeńь сидел в кресле лицом к дверному проему и смотрел прямо на Евгения застывшим в немом удивлении остекленевшим взглядом.

Лицо у Слизня было залито кровью.

И кресло, и паркетный пол вокруг кресла – все было пропитано красновато-бурой липкой жидкостью. В комнате пахло так, как по утрам пахнет на мясном рынке. Сежей кровью и свежим, еще теплым и почти живым, мясом убитого животного.

Мертвый Слизень, который сидел сейчас в его кресле, пах точно так же.

В том, что он мертвый, сомневаться не приходилось.

Евгений почувствовал острый спазм в желудке.

Сейчас его вырвет, если он не перестанет смотреть. Если он не перестанет дышать этим запахом.

Но взгляд не слушался. Взгляд как будто приклеился к вытаращенным стеклянным глазам мертвого человека. Он все стоял и смотрел в эти мертвые глаза, не понимая, что делать дальше. И очнулся только в тот момент, когда издали до него донесся тихий, совершенно чужой, голос.

– Зачем ты его... убил? – спросила Яна, тронув его за плечо.

* * *

Пауза затягивается.

Полутемный зал ресторана наполнен до краев ожиданием – кажется, не меня одну заинтериговал своим интимным шепотом официант Бруно. Сам Бруно давным-давно ушел, а его шепот до сих пор остался возле моего уха теплой и скользкой змеей, щекочущей мочку. Никому и ни о чем не говорящее имя Пабло Гавальда витает в воздухе бабочкой с разноцветными крыльями. Выпуская тонкий хоботок, пробует на вкус вино из бокалов. Капля янтарного Альма-ридо, пара капель Педро Хименеса – бабочка уже пьяна, но все никак не может насытиться. Крылья становятся липкими от виноградной сладости. Желтое мерцание свечей притягивает ее, и каждая секунда полета может стать последней.

Пьяная бабочка сладкого ожидания летает от столика к столику, все увлеченно наблюдают ее полет. Мне же хочется прихлопнуть это мерзкое насекомое. Мне холодно и тоскливо, вино только холодит кровь. Я чувствую, что Бруно обманул меня. Обманул меня и всех присутствующих в зале, включая Филиппа Второго вместе с членами королевской фамилии. Неслыханная дерзость. Только вот в чем смысл этого обмана, я до сих пор не могу понять.

В поисках смысла незаметно ныряю рукой в потайной кармашек дамской сумки из белой кожи.

Я люблю белый цвет, кстати. Цвет смерти и снега, цвет абсолютного покоя.

Мне нравится смотреть на него. Нравится вдыхать его в себя.

Пошли все к черту, мне это нравится.

Отодвигаю стул, на время покидая зал ресторана, и вдыхаю в себя белый цвет, уединившись в дамской комнате. Еще раз и еще один раз, последний. Глаза щиплет от слез – на сегодня достаточно. Оглядываюсь по сторонам и не обнаруживаю ни одного свидетеля своих манипуляций.

Возвращаюсь спустя пару недолгих минут и замечаю, что бабочек стало заметно больше. Целые тучи разноцветных бабочек летают над потолком, хлопая липкими крыльями. Они кружатся над моей головой, предвестницы несчастья. Машиу руками, тщетно пытаюсь их разогнать. В этот момент замечаю, как открывается тяжелая дубовая дверь, ведущая из холла в зал ресторана. Вижу себя, застывшую посреди мрачноватой темноты замка Эско-риал. С удовольствием откидываюсь на спинку стула. Оставаясь незамеченной, наблюдаю. Это интересно – наблюдать за собой со стороны, это завораживает.

Мне нравятся мои руки. Они тонкие и изящные. Похожи на крылья. Особенно сейчас, облаченные в длинный, расширяющийся к запястью рукав. Волосы на голове длинные и светлые, немного спутанные, как всегда, как будто я снова забыла причесаться. Смущенно

откашлявшись, приглаживаю растрепанные перья. Придуманное мое отражение все стоит посреди зала и, кстати, даже и не собирается, последовав моему примеру, пригладить волосы на голове.

Двойники, которых мы придумываем себе сами, рано или поздно становятся самостоятельными.

Рано или поздно они начинают жить своей собственной, отдельной жизнью, и даже пытаются диктовать свои правила. Я знаю, я прошла через это.

– Иди к черту, – змеиным шепотом проговариваю я вслух и слышу в ответ собственный голос придуманного мной отражения:

– Пойдем домой, Белка. Прошу тебя, пойдем. Поздно уже.

– Иди к черту и не называй меня Белкой, – снова огрызаюсь в ответ. – Иди к черту, или я убью тебя. И причешишь, кстати.

Мы разговариваем, разделенные огромным пространством полупустого зала ресторана.

Мы слышим друг друга, как это ни странно.

Образ исчезает, растворившись в темноте разинутой пасти двери.

На секунду мне становится страшно. Я вижу летающих над головой бабочек, они танцуют танец несчастья, сладкий вкус вина становится горьким, я поднимаюсь из-за стола и на ватных ногах пробираюсь к двери. Швейцар в цилиндре и ливрее с золотыми галунами достает из нагрудного кармана дежурную улыбку, крепко приклеивает ее к лицу и вежливо интересуется, чем может быть мне полезен.

– Девушка, – бормочу я невнятно. – Вы не видели здесь девушку? Она такая же, как я, точная моя копия. Она только что...

Замолкаю, внезапно вспомнив, что никакой моей копии нет. Давно уже нет. Мы теперь совсем не похожи...

Швейцар что-то отвечает, но я не слышу. Его слова, как жалкие щепки разбившегося о подводные рифы суденьшика, тонут в налетевшем шквале высоких волн, бушующих где-то у меня за спиной. Оборачиваюсь и вижу, как в темноте зала маячит среди желтых всполохов свечей бледное пятно голубого цвета. Дрожит, пытаясь пристроиться в центре сценической площадки, наконец замирает и наполняется кобальтовым синим.

Бреду наугад к своему столику. Бабочек больше нет, в зале полная тишина, быстрые удары моего сердца разрывают ее на части. Обрывки тишины, взлетая в воздух, падают и хрустят у меня под ногами осколками черного обгоревшего льда.

– Пабло Гавальда, – шепчут со всех сторон зала динамики. – Специально для вас, из Сантьяго-де-Компостеллы...

Кобальтовый синий лежит на площадке, неслышно дыша. Из глубины его поднимается длинная непрозрачная тень, разрезая круг света на две равные части. Проходит несколько секунд, я вижу очертания человека и слышу первые аккорды гитары.

Первые – мягкие, обволакивающие слух, они дрожат в раскаленном томительным ожиданием воздухе, не решаясь выйти за границы кобальтового сияния. Медленно набирая силу, незаметно заполняют собой тишину. Стекают ручьями в проходах между столиками, и я наконец чувствую, как что-то невидимое прикасается к моей коже.

Я цепенею.

Освещение сцены незаметно меняется, плавно перетекает из синего в голубой, из голубого в небесный, и все сидящие в зале наконец видят музыканта, склонившегося над инструментом.

Пабло Гавальда оказывается банальным андалузским красавцем, и это немного разочаровывает меня. Музыка, наполняющая зал, настолько божественна, что совершенно не сочетается с земным обликом типичного мачо из плоти и крови. Горячей крови и стандартно восхитительной, живой плоти.

Длинные волнистые волосы цвета воронова крыла стекают вниз по плечам, несколько скрученных прядей укрываются в глубоком вырезе рубашки из темно-бордового шелка. На груди под бронзовой кожей в такт быстрым движениям пальцев играют мускулы, на губах легкая тень улыбки. Глаза закрыты, веки едва заметно дрожат.

Вступление заканчивается, музыка прерывается недолгой паузой, я успеваю вдохнуть и снова цепенею, услышав наконец его голос.

*yo
no
sé qué hacer
para que salgas de mí y por fin te vayas
al diablo al sufrimiento que
me crece por verte y por no verte y
no seas más que eso sufrimiento
en vez de ser temblor ser esperanza
silencio bajo el sol
otro sol además¹*

В этот момент исчезают предметы и люди, нас окружающие. Придуманый замок Эскориал отрывается от земли и возносится в небо. Уцепившись побелевшими от напряжения пальцами за край стола, я чувствую, как колеблется пол под ногами.

Мне страшно.

Но самое страшное еще впереди.

Самое страшное и самое невероятное.

Пабло Гавальда – золотой голос, виртуозные пальцы, солнце и пыль золотого Сантьяго – открывает глаза и растерянным, едва проснувшимся взглядом обводит зал, словно ищет кого-то.

Ищет и очень быстро находит – меня.

*...no seas más que eso sufrimiento
en vez de ser temblor ser esperanza
silencio bajo el sol
otro sol además...*

В эту секунду я слышу лязг стального каната, который летит по воздуху.

Тонкая, но очень прочная цепь, сплетенная из тысячи звеньев, спаянных между собой неразрывно. Петля на ее конце висит в воздухе, у меня над головой, падает на плечи и начинает медленно затягиваться.

Сопротивление бесполезно.

Пабло Гавальда, что ты сделал со мной?..

Собрав остатки сил, зажмуриваю глаза и зажимаю уши. Звук все-таки проникает, изображение остается на сетчатке в виде черно-белого негатива. Приходится признать, что в черно-белом своем воплощении Пабло Гавальда ничуть не уступает оригиналу. Он даже выигрывает в чем-то, этот двуцветный персонаж из моего лишенного красок мира.

¹ Я не знаю, что делать, Чтобы забыть тебя, забыть в конце концов навсегда. К дьяволу страдание, Которое разрывает меня на части, когда я вижу тебя И когда не вижу. И ты не станешь ничем иным, кроме страдания, Вместо того, чтобы быть трепетной надеждой. Под моим солнцем – тишина. Под другим солнцем ты. Стихотворение Хуана Гелмана, 1930, В переводе Натальи Калишиной.

Когда я наконец открываю глаза, так и не сумев прогнать видение, все вокруг становится на свои места. Нет никаких стальных канатов, летающих по воздуху с петлей на конце. Никаких бабочек в полутемном зале ресторана. Только сценическая площадка, заключенная в кольцо голубого света, и в самом центре ее – обычный парень в джинсах и темно-красной рубашке, перебирающий струны своей гитары и мурлыкающий в такт несложным аккордам нехитрую песенку о любви. «Что мне сделать, чтобы забыть тебя навсегда?..». Знаем уже, проходили, ничего выдающего. У нас теперь ничья, Пабло Гавальда. Один – один.

Но все-таки в мою пользу.

Вернувшись в реальность и успокоившись, я откидываюсь на спинку стула, улыбаюсь победно и продолжаю слушать диковинную птицу из Сантьяго-де-Компостеллы.

Приходится признать, что голос у птицы хорош. Несмотря на стандартно красивую внешность, голос хорош на самом деле, низкий и чуть хриловатый, струящийся и переливчатый, как вино в моем бокале. Голос, похожий на лучший сорт испанского вина – пожалуй, очень точное сравнение. Голос Пабло Гавальды имеет вкус и цвет, мне по душе и то, и другое. Пожалуй, не зря я купилась на предложение Бруно остаться. Этот голос – само совершенство, в наше бедное настоящим талантом время он – как золотая литера, кропотливо выведенная писцом в скриптории какого-нибудь средневекового монастыря.

Печальными аккордами в завораживающей тишине заканчивается песня. Несколько секунд – и зал взрывается аплодисментами, бурными криками и свистом. Такое ощущение, что здесь не тридцать, а по крайней мере триста человек. Публика, слившаяся в общем экстазе, аплодирует снова и снова. Только я одна сижу, сложив руки в замок на коленях. Сижу и молча, с замирающим сердцем, смотрю на сцену. Туда, где, щурясь от вспыхнувшего света прожекторов, будто смущенный и даже напуганный реакцией зала, стоит, прижав к груди скрепленные руки, бледный музыкант.

– *Gracias*, – слышится наконец его голос в динамиках невидимого микрофона. – *Micho gusto en verle por aquí...*²

Ни слова по-русски. Никаких заигрываний с публикой, которые традиционно применяются заезжими гастролерами: «спасибо, я вас люблю-люблю...» Ничего подобного. Сказав пару слов на испанском, Пабло Гавальда снова садится на табуретку, задумчиво склоняется над гитарой, едва заметно проводит пальцами по струнам и снова начинает петь своим совершенным голосом.

Красота этого голоса смертельна.

Слушая этот голос, я снова вспоминаю танец Смерти на площади Пласа-Майор. И чувствую в этот момент, как она незаметно подходит ко мне сзади. Вздрагиваю, ощутив ее ледяное дыхание и поняв, что бежать уже поздно. Но вместо того, чтобы нанести безжалостный и равнодушный удар, Смерть, расправив бархатный плащ, садится рядом со мной за столик. Рассеянно отпивает глоток янтарного испанского вина из моего бокала и слушает, замороженная, голос певца из Сантьяго-де-Компостеллы, забыв обо всем на свете.

Красный цвет ее бархатного плаща – абсолютно такой же, как цвет его шелковой рубахи.

* * *

– Зачем ты его... убил? – спросила Яна, тронув его за плечо.

Евгений медленно обернулся и увидел ее серое лицо. Под глазами пролегли тяжелые тени, бескровные губы дрожали. За эти несколько секунд она, кажется, постарела на целую жизнь.

² Спасибо, я счастлив видеть вас здесь.

Он не знал, что ей ответить. Смысл происходящего по-прежнему оставался туманным. И пока еще верилось в то, что он сможет проснуться – достаточно лишь приложить некоторые усилия, открыть глаза, сбросив пелену ночного кошмара, и убедиться в том, что на самом деле ничего такого не случилось. Что в комнате, кроме огромного букета роз и сервированного по случаю дня рождения любимой женщины столика, больше ничего и нет.

Что на самом деле все по-прежнему, и мертвый человек с лицом, залитым кровью – всего лишь прихоть разыгравшегося воображения.

Я же видел его два часа назад, подумал Евгений. И он был – живой.

«I've got to see you... again» – хрипловатым голосом пропела у него за спиной Нора Джонс. Смолк фортепьянный аккорд, на несколько секунд в квартире воцарилась абсолютная тишина, а потом в этой тишине снова заиграло фортепьяно.

Уже сейчас он точно знал, что больше никогда в жизни не сможет слышать звуки фортепьяно.

И уж тем более не сможет слышать «I've got to see you again». Эта песня, которая когда-то принадлежала только им двоим, теперь обрела совершенно другого владельца. Мертвеца, по-хозяйски развалившегося в кресле за столиком, сервированным стеклянными фужерами и серебром.

– Я его не убивал, – наконец прошептал он в ответ, чтобы что-то сказать.

В темноте коридора ее лицо казалось белым пятном, фигура – маленькой и съжившейся, как у крохотного испуганного зверька, которого преследует хищник. Он сделал шаг навстречу и протянул к ней руки, но она вдруг отпрянула, попятилась от него назад, сделала наугад несколько торопливых шагов и вжалась в стену, глухо ударившись затылком.

Ошеломлено уставившись на нее, Евгений стоял, словно парализованный, не в силах сделать и шага, понимая, что сейчас, в эту секунду, с ними происходит что-то такое, чего не должно было произойти никогда. И наверное, они оба уже не в силах этому помешать. Теперь у них больше нет ни прошлого, ни будущего, а есть только вечное настоящее.

И это настоящее – мертвец с пробитой головой.

Губы невольно растянулись в кривой усмешке.

– Ты что, мне не веришь? – спросил он все так же тихо.

Они оба разговаривали шепотом, как будто боялись потревожить одиноко скучающего за стенкой покойника.

В этот момент он совершенно некстати вдруг вспомнил себя ребенком. Худым и нескладным четырехлетней-очкариком, мальчишкой с острыми локтями и такими же острыми коленками, с шапкой черных кудрявых волос на голове, похожим на маленького негритенка, если бы не передававшаяся по отцовской линии бледность кожных покровов. Отец по субботам работал, и маленький негритенок-очкарик оставался в этот выходной день вдвоем с матерью.

В доме в такие дни всегда пахло одинаково. Пахло борщом, кипящим на плите, и томящимся в духовке пирогом с капустой и рыбой. Стиральным порошком с приятной лавандовой отдушкой, и полиролью, которой мать натирала до блеска полы и мебель.

Он очень любил ту игру, которую они затевали всегда ближе к вечеру, когда из дома уже успевал выветриться привычный субботний коктейль запахов. Мать, устало сложив руки на коленях, садилась в кресло перед телевизором – со временем это стало для него сигналом к началу «боевых» действий. Он убегал к себе в комнату, радостно доставал из шкафа свои колготки, которые в сильную стужу заставляла надевать под брюки мать, несмотря на его протесты и нежелание выглядеть девчонкой.

Колготки были темно-синими, почти черными, по цвету для игры очень подходящими. Он надевал колготки на голову, низко надвигая на глаза, засовывал под резинку домашних тренок большой и черный игрушечный пистолет, набирал в легкие побольше воздуха и вылетал из комнаты с дикими криком:

– Руки вверх! Не с места! Вы захвачены в плен пиратом Черная Борода – ужасным кровожадным злодеем!

Больше всего ему нравилось, как мать в такие моменты изображает испуг. Как она торопливо поднимает руки вверх и начинает делать вид, как будто дрожит от страха. Игра длилась не больше минуты, по истечении которой они оба уже смеялись, почти катаясь по полу. А потом все повторялось сначала.

Он не вспоминал об этих субботних дурачествах, наверное, уже лет двадцать.

А теперь вспомнил и, как живые, увидел перед собой глаза матери, в которых абсолютно не было страха. Несмотря на то, что поднятые вверх руки дрожали, а брови сходились на переносице перепуганным домиком.

Почему-то никак не удавалось отделаться от этого детского воспоминания.

Почему – он понял не сразу.

Только тогда, когда услышал наконец ответ на свой вопрос. Спустя минуты, которые показались столетиями.

– Верю, – тихо сказала Яна.

Но даже в темноте, даже издалека он видел сейчас ее глаза, которые лгали.

Он так и застыл в двух шагах от нее с протянутыми руками. Как механическое существо – робот Вертер из детской сказки, у которого внезапно сели батарейки. На полпути.

Оказалось, что покойник за стенкой – это было не самое ужасное. Самое ужасное было здесь, в темноте коридора. Ядовитым цветком под дрожащими лепестками ресниц оно притаилось в почерневших глазах любимой женщины, которая теперь его боялась.

Черная Борода. Ужасный кровожадный злодей.

Знать бы, что невинная детская игра обернется спустя двадцать пять лет пророчеством!

– Выключи музыку, – услышал он звук ее голоса, снова вернувший его в реальность.

«Выключить музыку» – это значило снова зайти в комнату. Снова увидеть, снова вдохнуть запах. Пройти *мимо*, нажать на кнопку проигрывателя и проделать все в обратном порядке.

В ответ на ее просьбу он даже не шевельнулся.

– Выключи, – сдавленным шепотом прохрипела Яна.

Он хотел сказать ей, что не может. Снова увидеть, снова вдохнуть, пройти *мимо* и нажать на кнопку. Хотел сказать, что ему страшно. Но язык не слушался, а голос как будто совсем пропал.

Черт, вот ведь как бывает, отстраненно подумал он, отворачиваясь. Живешь на свете тридцать лет, и все эти тридцать лет, начиная едва ли не с младенческого возраста, считаешь себя мужиком. До тех пор, пока вдруг однажды, обнаружив в собственной квартире труп соседа с раздробленной башкой, не поймешь, что никакой ты не мужик на самом-то деле, а обыкновенный трусливый кролик.

Он так долго жил на свете, он так много всего узнал и пережил, но даже представить себе не мог, как это страшно – прийти домой и обнаружить в собственной гостиной покойника. Он и не подозревал, что в такие моменты начинают потеть ладони, что ноги становятся ватными, что кончики пальцев начинают дрожать, а сердце почти перестает биться.

Оставив позади почти половину жизни, он, оказывается, еще ни разу по-настоящему ничего не боялся.

И только теперь наконец узнал, что такое страх.

Страх – это мертвый Слизень в его гостиной.

Получается, все изменилось в считанные минуты.

Живой Слизень боялся Евгения.

Живой – он визжал по-бабьи от этого страха и злобно матерился, загнанный в угол лестничной клетки его пинками. Живой – он стоял два часа назад в лифте у него за спиной, и

совсем не нужно было иметь глаза на затылке, чтобы увидеть, *как* Слизень его боится. Живой – он не представлял собой никакой угрозы. Он был всего лишь мелкой букашкой, ничтожеством, низшим представителем человеческой породы. Он вызывал лишь чувство омерзения и никогда – страх.

Теперь их роли поменялись на противоположные.

Теперь мертвый Слизень сидел у него в гостиной, за накрытым столиком, с видом победителя. В его застывшем взгляде читалось торжество, читалась скрытая насмешка: ну что, братец *кролик*? Чья взяла?

А может быть, он сделал это специально? Пришел сюда в его отсутствие и нарочно умер в его кресле, каким-то образом исхитрившись раскроить собственный череп ударом сзади?

«Ударом сзади» – это была первая мысль практического порядка, промелькнувшая в гудящей, как набатный колокол, голове. Слизня убили, нанеся удар сзади. Судя по положению тела, это было именно так.

Наконец взяв себя в руки, он шагнул из темноты коридора в ослепляющую полосу света. Замешкался на секунду в проеме двери, не решаясь поднять взгляд и посмотреть *туда*.

Может быть, все-таки, это был сон? Галлюцинация? А может – дурацкий розыгрыш? Что, если сейчас, увидев перепуганное, жалкое лицо Евгения, Слизень наконец поймет, что добился своего, заставил себя бояться? Поймет – и поднимется из кресла абсолютно живой, с пластиковой бутылкой кетчупа, торчащей из кармана твидового пиджачишки? Или, сжалившись над *трусливым кроликом*, совсем исчезнет, испарится бесследно, унося с собой и этот одуряющий запах бойни, который выворачивает наизнанку желудок?

Но нет. Не сон и не галлюцинация. Никакой бутылки с кетчупом, никаких признаков театральной бутафории. Вообще ничего такого.

Слизень был мертвый по-настоящему. Мертвый без сучка и без задоринки, мертвый на все сто процентов. Последние сомнения покинули Евгения, едва он снова увидел запрокинутую назад голову и встретился глазами с остекленевшим взглядом незваного мертвеца.

Сухо выругавшись, он быстро прошел мимо, с трудом вспоминая, из какого угла комнаты доносится музыка и где нужно искать проигрыватель. Нашел, нажал на «стоп» и некоторое время стоял без движения, привыкая к тяжести обрушившейся с потолка тишины. Теперь, в этой тишине, он слышал гулкие удары собственного сердца, трусливо трепыхающегося где-то в районе пищевода. Сердце стало маленьким, похожим на сморщенную косточку южного абрикоса, острую по краям. Мучительно хотелось его выплюнуть.

Услышав за спиной тихие шаги, Евгений обернулся. Это была Яна, о которой на эти несколько секунд он просто забыл. Она шла к нему, торопливо пересекла разделяющее их расстояние, и всеми силами старалась не смотреть туда, куда тянуло взгляд, как магнитом. Подошла, больно схватила его за локоть и спрятала лицо у него на плече.

Не было сил протянуть руку и погладить ее по волосам. Не было сил сказать: успокойся. Был только страх, застрявший в горле, шершавый и противно шевелящийся.

– Смотри, – сказала Яна.

Проследив направление ее взгляда, он увидел на полу, прямо под ногами, неподалеку от расплзающегося пятна липкой крови, топор. Орудие убийства – а в том, что это было именно орудие, сомневаться не приходилось, слишком отчетливо были видны мелкие капельки крови на светло-бежевой деревянной рукоятке – лежало, брошенное рядом с жертвой сразу же после того, как исполнило свою функцию.

Слизня убили, ударив по голове топором. Тем самым, который уже несколько лет лежал у Евгения в хозяйственном ящике вместе с другими строительными инструментами – гвоздями, молотками, отвертками и стамесками. Сам он топором пользовался очень редко – в весенне-летний сезон, отправляясь с приятелями к кому-нибудь на дачу, или в лес, на шашлыки, брал иногда с собой, чтобы наколоть дров или разрубить крупный кусок мяса на несколько частей.

При этой мысли к горлу снова подкатил ком тошноты. Евгений сглотнул, наклонился и заставил себя взять топор в руки.

Так и есть – тупая сторона была покрыта тонкой пленкой успевшей свернуться крови, которая приобрела теперь зеленовато-бурый оттенок. Он некоторое время повертел топор в руках, отстраненно размышляя о том, что на рукоятке, по всей видимости, могли остаться отпечатки пальцев убийцы. И надо было быть полным идиотом, чтобы хватать в руки этот топор с отпечатками, потому что теперь уже не докажешь, что в его руках топор побывал уже после убийства. Не докажешь...

Только неужели и правда придется что-то доказывать?

По спине пробежал холодок и ударил током в кончики пальцев.

Черт, да что за ерунда такая? Это его топор. Он много раз брал этот топор в руки, там видимо-невидимо отпечатков его пальцев разной давности – и что, это что-нибудь значит?

Снова наклонившись, он положил топор на пол, на прежнее место, удивляя тому, что старается положить в точности так же, как он лежал раньше. Было что-то гротескное в этой музейной тишине и трепетности обращения с «экспонатами», которые, казалось, бдительно охраняет мертвый, но от этого ничуть не менее грозный, охранник.

Нужно было что-то делать.

Только он и понятия не имел – что.

Эта мысль, пробившись сквозь наслоения страха, застала его врасплох.

За годы жизни он проштудировал горы книг. Тысячи книг – специальных, профильных, художественных и энциклопедических. Закончил десятилетку и вуз. Да и сама жизнь, всегда казалось, многому научила.

Только, как выяснилось, нигде – ни в одной книге и ни в одной энциклопедии – не было ответа на этот вопрос.

Что делать?

Что нужно делать, когда, вернувшись вечером домой с любимой девушкой, обнаруживаешь в собственной гостиной, украшенной воздушными шариками, безнадежно мертвого соседа, убитого твоим же собственным топором?

Плакать, съевшись в углу и утирая трусливые слезы? Звонить в милицию? В скорую помощь? В пожарную охрану? Делать вид, что ничего не произошло, и продолжать жить дальше, игнорируя присутствие покойника, сидящего в кресле? Или – бежать?

«Бежать» – стукнуло сердце в горле, соглашаясь.

Бежать, чтобы не видеть, чтобы со временем забыть все это, как забывают страшный сон. Путь понадобятся недели, пусть месяцы и даже годы, но рано или поздно он наверняка забудет этот кошмар и снова станет таким же, как прежде. А иначе теперь каждый раз, заходя в гостиную, зажигая вечером свет, он будет ждать, что снова увидит здесь то, что увидел сегодня. Ждать и бояться.

– Женька, – прошептала Яна ему в плечо. – Женька. Нужно что-то делать. Нельзя же оставлять его... здесь.

При мысли о том, что придется дотронуться что мертвого тела, Евгения передернуло. Все, что угодно – только не это. *Трусливые кролики* не способны на такие подвиги. И сейчас совсем не тот случай, чтобы демонстрировать свою несуществующую храбрость.

– Ты о чем? – спросил он, надеясь, что как-то неправильно истолковал значение ее последней фразы.

– О том, что нужно... нужно как-то убрать его из квартиры, – упрямо повторила Яна и подняла на него глаза. – Понимаешь?

Глаза были темными, совершенно черными, и в них почему-то не было видно знакомых рыжих крапинок. Как будто та самая липкая бурая жидкость, растекающаяся сейчас у них под ногами, стерла, подавив своим темным цветом, рыжину из Янкиных глаз. В самой глубине

этих глаз он видел сейчас свое отражение. Казалось, где-то там, по ту сторону черноты – его собственная душа, которую засосало в черные зеркала.

Слизень умудрился подгадить ему уже после своей смерти. Надо же, мразь какая.

Евгений долго молчал, глядя в ее глаза, снова и снова понимая, что теперь уже никогда не будет по-прежнему. Теперь, встречаясь с ее взглядом, он всегда будет вспоминать этот день и эту минуту – когда они стояли, прижавшись друг к другу, испуганные и опустошенные, за креслом в гостиной, пытаясь понять, что же им делать дальше. И каждый в глубине души надеялся, что решение придется принимать не ему.

– Как ты это себе представляешь? – наконец спросил Евгений, отводя взгляд. Теперь взгляд остановился на розах – огромном букете, который стоял на полу в хрустальной вазе нестандартного диаметра.

Красное сердце в белой окантовке. Нужно было быть полным идиотом, чтобы додуматься купить такой пошлый букет. И почему это раньше не пришло ему в голову?

– Я не знаю, – ответила она срывающимся шепотом. – Но нужно его убрать.

– Янка, скажи, откуда он здесь взялся? Ведь когда я уходил из дома минут двадцать назад – его не было. Точно тебе говорю, не было.

Она молчала.

– Или ты мне не веришь? До сих пор не веришь? Ты думаешь, что это я его...

– Нужно его убрать, – повторила она в третий раз, отстраняясь.

Евгений понял – не верит. Нет, ни черта она не верит ему, если прячет глаза, если делает вид, будто не слышит его вопроса и не чувствует, что сейчас от ее ответа зависит вся его жизнь. Она не верит ему сейчас и не поверит уже никогда, наверное. Так и будет всю оставшуюся жизнь думать, что он неудачно пошутил, решив в виде сюрприза на день рождения приготовить ей мертвеца в гостиной.

На фоне красных роз с белой каймой, на фоне хрипловатого голоса Норы Джонс – лирический джаз, дающий волю самым бурным фантазиям – мертвец смотрелся просто потрясающе. Приходилось это признать. Нет ни малейшего повода обвинить его теперь в отсутствии вкуса или оригинальности мышления. Еще ни одна девушка на свете не получала на свой день рождения такой сногшибательный подарок.

Есть повод для того, чтобы гордиться собой.

Ему вдруг стало смешно. Откинув голову назад, он прислонился к стене затылком и стал смеяться – сначала тихо, потом все громче и громче, и чувствовал, что не может остановиться.

Яна стояла напротив и смотрела на него, не мигая, широко открытыми черными глазами. Глаза казались огромными и чужими на ее бледном лице. Черты этого лица стирались, становились расплывчатыми – чем дольше он смеялся, тем меньше узнавал ее, и почти успел уже поверить, что никакая это не Янка, а совершенно чужая женщина, непонятным образом оказавшаяся в его квартире. И это тоже показалось ему смешным – в самом деле, откуда было ей взяться, ведь он точно помнит, что не впускал в квартиру посторонних. Все-таки жизнь – забавная штука, иногда очень сильно напоминает кино – дешевую мистику с детективной линией в качестве дополнительной. Покойник в гостиной и женщина, прямо у него на глазах трансформировавшая свой облик. Чудеса, да и только!

Он пришел в себя только в тот момент, когда она, размахнувшись, больно ударила его по лицу.

Хотя и эта пощечина тоже показалась ему ужасно смешной. И она как нельзя кстати вписывалась в придуманный сценарий – да, именно так и бывает в кино, именно с таким звуком героиня бьет по лицу обнаглевшего героя, вздумавшего покуситься на ее невинность или позволившего себе неуважительно о ней отозваться. Нет, никакая это не мистика, не детектив и даже не мелодрама. Это – комедия. Самая настоящая комедия, давно пора было это понять!

В лицо будто плеснули кипятком, и он перестал смеяться.

Янка стояла напротив – маленькая, жалкая, съжившаяся. И держала руку слегка в стороне, как будто это была уже не ее, а чья-то чужая рука, которая ей теперь принадлежать уже никак не может.

И в этот момент до него наконец дошло.

У него в комнате – труп убитого только что человека. И не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: в убийстве этого человека запросто могут обвинить его. Потому что человек был убит в его собственной квартире его собственным топором, на рукоятке которого имеются сотни отпечатков его собственных пальцев. Потому что дверь квартиры никто не взламывал – ее открыли ключом, это было очевидно. Потому что с десятков соседей могут подтвердить серьезность его намерений – пусть с тех пор, как он избивал Слизня, зажавшегося в углу лестничной клетки, прошло несколько месяцев. Что с того? Он долго вынашивал этот план и теперь, когда настало подходящее время, просто осуществил его. И пусть этот план достоин клинического идиота. Не важно. Важны – факты, а факты против него.

Против, черт бы их побрал, эти факты!

– Иди в ванную, – быстро приказал он Яне, оглядываясь по сторонам. – Принеси ведро холодной воды и тряпку. А я пока поищу ключи.

– Ты поищешь... что? – эхом отозвалась она.

– Ключи, – почти спокойно повторил Евгений. – Ключи от его квартиры. Они же должны у него быть!

Не тратя времени на пустяки, к которым относилось теперь все, кроме достижения поставленной цели, он решительно обогнул кресло. Оказавшись лицом к лицу с покойником, постарался не задерживать взгляда на лице, залитом кровью. Лишь вскользь отметил сизые губы, полуоткрытые, сошедшиеся в узкое кольцо, обрамляющее черную дыру, из которой торчали полусгнившие коричневые зубы.

Как будто перед смертью он произнес звук «О». Или – «У». Теперь это было уже не важно.

Нырнув рукой в карман твидового пиджака, Евгений обнаружил только сквозную дырку – пальцы, слегка дрожащие, провалившись вниз, нащупали скользкий трикотаж домашних тренировочных штанов. В левом кармане ключей не было, и он полез в правый, зная заранее, что в случае неудачи станет проверять и карманы брюк, и даже залезет покойнику под рубашку.

– О господи, – глухо пробормотала Яна, наблюдавшая за его действиями.

Он не отозвался, и через секунду мимо проскользнула ее тень.

Оставшись в комнате один, он почувствовал некоторое облегчение. Ключ от квартиры обнаружился почти сразу – как и ожидал, в правом кармане пиджака, в общей связке вместе с ключами от почтового ящика и от старого сарая, который стоял во дворе.

Отыскав ключ, он едва не вскрикнул от радости, хотя радость и была самым последним чувством, которое может испытывать человек, оказавшийся в подобной ситуации. В этот момент рука Слизня, лежащая на велюровом подлокотнике кресла и, видимо, задетая рукой Евгения, медленно поползла вниз.

Он стоял с ключами в руках и, как замороженный, наблюдал за движением мертвой руки. Упав вниз, она качнулась, и Евгению показалось, что он даже заметил, как шевельнулись в воздухе коричневые пальцы-тараканы, словно собираясь сжаться в кулак.

На несколько секунд его снова парализовал страх. Безвольно разжалась вспотевшая ладонь, и связка ключей упала на пол, неприятно звякнув, в самую лужу крови. Сердце остановилось, по вискам заструился вниз ледяной пот. Наверное, именно так чувствует себя человек, столкнувшийся с неотвратимостью смерти, от которой его отделяют считанные секунды. Мозг подавал слабые сигналы, пытаясь убедить, что движение мертвых пальцев было всего лишь галлюцинацией, всплеском болезненного воображения. И все же, видение было таким отчетливым, что не поверить собственным глазам было невозможно.

От страха он начал медленно пятиться назад, из последних сил подавляя вопль ужаса, который рвался изнутри. Он почти поверил, что покойник ожил, что сейчас он поднимется, сделает в его направлении несколько нетвердых шагов и схватит его за горло своими крючковатыми пальцами – как в жутком, леденящем душу триллере.

В этот момент из глубины коридора донесся сдавленный крик.

Этот крик, наверное, и спас его от умопомрачения, которое было так близко. Он обернулся на крик и увидел Яну, застывшую в проеме двери в ванную комнату. Ее силуэт, четко обозначенный в узкой полоске желтого света, льющегося из ванной в темноту прихожей и оставляющего на стенах медовый отблеск.

Машинально он двинулся по коридору в сторону света и звука. Спасаясь от пугающей реальности гостиной комнаты, в глубине души уже чувствовал, что там, впереди, его ждет новая западня, новый кошмар, по сравнению с которым слабое движение мертвых коричневых пальцев может показаться невинной детской страшилкой, только и всего.

Услышав его шаги, она обернулась и снова испуганно вжалась в стену.

Она снова боялась его – это было очевидно. Сейчас Янка боялась его ничуть не меньше, чем несколько секунд назад он боялся ожившего в гостиной мертвеца... Нет, этот страх, который все отчетливее проступал в ее глазах, в неестественно застывшей позе – был сильнее, гораздо сильнее того, что довелось испытать ему.

Черт, да что же это?! Что такое с ними происходит?

Подойдя, он дернул за ручку и распахнул дверь в ванную во всю ширь, ожидая увидеть там все, что угодно. Еще один труп Слизня, плавающий в его собственной ванной в ароматной розовой пене. Еще два, пусть даже три трупа, ровно по одному на каждый предмет мебели. Убийцу, притаившегося в углу за стиральной машиной, с нацеленным прямо ему в висок пистолетом двадцать пятого калибра. Кровавую надпись на стене, взятую из романов Стивена Кинга.

Он ожидал увидеть все, что угодно, и был готов ко всему. Ко всему – но только не к этому.

Не было никаких трупов в ванной. И никаких кровавых надписей на стенах тоже не было.

А был всего лишь спортивный костюм.

Его собственный, домашний спортивный костюм – штаны с широкими лампасами и «олимпийка» на замке. Теплый спортивный костюм из мягкого флиса, который Янка подарила ему в прошлом году на день рождения. Тот самый спортивный костюм, который он снял, уходя из дома полчаса назад, и повесил в спальне на спинку стула.

Сейчас он лежал, небрежно брошенный на стиральной машине. Светло-голубой костюм с белыми лампасами на брюках, белыми вставками на груди и маленькой надписью «Nike», гордо вытесненной каким-то добросовестным турком на местной турецкой фабрике по производству самой фирменной одежды на свете.

И маленькая надпись «Nike», и белая вставка на груди, и светло-голубые рукава – все было в темно-бурых пятнах. Пятна были разного размера, по большей части – совсем крошечные, как брызги гранатового сока.

«Как брызги гранатового сока». Он ухватился за эту нелепую мысль, как утопающий за соломинку, и даже попытался припомнить, не пришлось ли ему перед уходом из дома разламывать пополам гранатовый плод. Но память не откликалась, а во рту вместо кило-сладкого привкуса граната становилось все солонее, и от этой соли его снова, в который раз уже, затошнило. Бурые пятна расплывались перед глазами, но не исчезали – наоборот, становились все больше и больше, отвоевывали у сине-белого цвета свою территорию до тех пор, пока все вокруг не превратилось в сплошное темно-красное пятно.

Это была кровь. *Та самая.*

Костюм лежал на стиральной машинке вполне буднично. Обычно он всегда оставлял здесь свои вещи, которые требовалось постирать.

Оглянувшись, он увидел Яну. Поймал ее взгляд, который сразу же метнулся в сторону, как солнечный зайчик, и сразу же вокруг стало темно.

– Да не убивал! – закричал он, что есть силы, и ударил сжатыми в кулак костяшками пальцев по дверному косяку. Кожа моментально треснула и засочилась свежими красными каплями. Боли он даже не почувствовал. – Не убивал я его! Слышишь? Ты слышишь меня?!

Она испуганно кивнула и сделала шаг в сторону. Пролепетала бескровными губами:

– Да. Слышу... Ты не кричи так...

– А мне плевать! – снова заорал Евгений, чувствуя, что ему вдруг на самом деле стало все равно. Пусть услышат соседи, пусть сбегутся, пусть вызовут милицию, и пусть эта милиция делает с ним все, что угодно. Сейчас было важно другое – заставить ее поверить. Найти слова, которые оказались бы сильнее этих чертовых фактов, кажущихся неопровержимыми. – Мне плевать, – упрямо повторил он, переходя на злой шепот. – И я понятия не имею, кто устроил здесь, в моем доме, этот гнусный спектакль! Кто переоделся в мой домашний костюм и раскроил башку этому ублюдку! Я не имею к этому ни малейшего отношения, ты меня слышишь?

Он приблизился к ней, больно схватил руками испуганно сжавшиеся плечи и встряхнул несколько раз, повторяя, как в бреду:

– Слышишь? Ты слышишь меня?

Она молчала, в кровь закусив нижнюю губу, и маленькая стриженная голова болталась из стороны в сторону, как у тряпичной куклы.

– Черт, – он наконец отпустил ее, чувствуя, как в глубине души закипает ненависть к самому себе, и снова ударил кулаком о стену.

Некоторое время они стояли, не глядя друг на друга, в полной тишине, нарушаемой лишь барабанной дробью дождевых капель, которые с неослабевающей настойчивостью стучали в оконное стекло.

– Женька, – Яна тронула его за плечо и настойчиво потянула, разворачивая к себе лицом. Встретившись взглядом, он так и не понял, о чем сейчас говорят ее глаза. – Женька, успокойся. Тебе сейчас... Нам сейчас нельзя так. Нам что-то делать нужно, понимаешь? Нужно обязательно что-то делать, иначе...

– Да, – кивнул он, соглашаясь. Она права: все эти разговоры – потом. У них еще будет время.

– Ты, кажется, хотел поискать ключи, – напомнила она, не отводя взгляда. Четко, с какой-то странной, болезненно-ласковой интонацией, проговаривая каждое слово. Он сразу понял: именно так разговаривают в психиатрических лечебницах больные со своими пациентами. И ему опять захотелось смеяться.

Но он снова лишь кивнул в ответ. Только сил, чтобы сдвинуться с места, не было.

– Иди, – Яна легонько, едва коснувшись плеча, подтолкнула его. – Иди. А этот костюм... Я его сейчас постираю. В холодной воде. Знаешь, кровь в холодной воде очень легко отстирывается. Если она... свежая.

Она произнесла эти слова тихим будничным тоном.

Как будто забыла на минуту о том, что собирается сейчас отстирывать совсем не носовой платок, который только что прикладывала к пустяковой царапине.

Евгений вспомнил про ключи, которые уронил на пол – сейчас ему казалось, что все это случилось давным-давно, в какой-то прошлой жизни, и может быть, даже не с ним. Ссутулившись, словно физически ощущая навалившуюся на него тяжесть, он медленно побрел обратно в гостиную, на этот раз уже не питая никаких призрачных иллюзий и зная совершенно точно, что его там ждет.

В спину ему зашумела вода. Громыкнул о чугунную поверхность ванной алюминиевый таз – давнишний, тот самый, в котором еще мама когда-то кипятила белье. Знала бы она, для каких целей он теперь понадобился Янке.

Подняв с пола ключи, он отнес их на кухню и долго держал под струей холодной воды. Потом выдавил на ладонь несколько лимонно-желтых капель моющего средства и тщательно намылил каждый ключ. Смыл пену и снова намылил. Бросил всю связку на кухонное полотенце и опять вернулся в гостиную, пытаясь сообразить, что делать дальше.

Хотел было отнести на кухню и вымыть топор, но потом понял, что гораздо проще будет топор выбросить. Достал из шкафа стопку газет и начал медленно заворачивать в них рукоятку и топориче.

Руки дрожали. Из-за этой дрожи он ненавидел себя, но справиться с ней не мог, как ни старался.

О том, что делать с телом, еще предстояло подумать.

И он всеми силами оттягивал этот момент. Потому что это было самое страшное.

Услышав торопливые шаги, он поднял глаза и увидел Яну. Она появилась в гостиной, держа в одной руке ведро, наполненное водой, а в другой – уже постиранный спортивный костюм, отяжелевший и потемневший от воды, которая стекала с него вниз, на пол, торопливыми прозрачными каплями.

– Иди, повесь на балконе, – она протянула ему костюм и добавила все тем же, единственно правильным, будничным тоном: – Только расправь обязательно. Быстрее высохнет.

Отдав ему тяжелый и мокрый костюм, она сразу же опустилась на корточки возле кресла и принялась мокрой тряпкой стирать с пола следы крови.

Смотреть на это было невыносимо.

Отыскав в шкафу вешалку, он послушно расправил костюм и вынес на балкон сушиться.

В холодной воде он, и правда, очень хорошо отстирался. Выглядел теперь, как новый. Если бы не едва заметный тонкий ручной шов в глубине проймы – пару месяцев назад фабричный шов разошелся, подтвердив свое турецкое происхождение, и Янка прошла по нему светло-голубыми нитками.

Вернувшись в гостиную, он увидел на полу темно-коричневые разводы, которые быстро исчезали, растворяясь в воде. Яна энергично терла полы мокрой тряпкой, снова и снова отжимая ее, споласкивая в ведре. Терла полы, словно одержимая, как будто сдавала экзамен на профпригодность.

Ему пришлось несколько раз, повинуясь ее коротким приказам, менять воду в ведре. С каждым разом она становилась все светлее и прозрачнее, а Янка все терла и терла полы, сосредоточенно, молча, до тех пор, пока сам он, догадавшись, не остановил ее:

– Хватит уже. Они давно чистые.

Она замерла с тряпкой в руке, посмотрела на него и медленно опустилась на пол.

Так и сидела на полу, обмякая, возле ведра, и смотрела на него непонятным каким-то, ничего не выражающим взглядом. И больше ничего не оставалось, кроме как подойти и присесть рядом.

Какое-то тупое равнодушие, тягучее и липкое, как состарившийся мед, поселилось внутри. Не было сил, чтобы сопротивляться дальше. Ни сил, ни желания. Казалось, что с того момента, как они вошли в квартиру и обнаружили в гостиной этот жуткий сюрприз, прошла целая вечность. И даже, может быть, не одна.

Евгений первым пришел в себя. Внезапно услышав шум дождя за окном, медленно вынырнул из небытия. Посмотрел на часы, висящие на стене. Секундная стрелка неторопливо ползла по кругу. С тех пор, как они пришли домой и включили свет в гостиной, прошло всего лишь полчаса.

– Я нашел ключи, – хрипло сказал он, не глядя на Яну. – Они были в правом кармане.

Яна кивнула, и было непонятно, слышала ли она на самом деле то, что он сейчас сказал, или же отзывалась на какие-то свои мысли.

– Нам придется перенести его, – наконец услышал он ее голос. – Перенести к нему домой. Только не сейчас, позже. Сейчас в подъезде полно народу. Слышишь, лифт то и дело бегают по этажам?

– Слышу.

– Нам придется его перенести.

– Да, придется. Я знаю.

– Нужно будет еще выбросить топор. И тряпку, которой я мыла полы. Только не знаю, что теперь делать с креслом.

– Отвезем на свалку.

– Брось. Как ты себе это представляешь?

– Вообще никак не представляю.

– Зачем тогда говоришь?

– Просто. Чтобы что-то сказать.

– Женька?

– Я здесь.

– Скажи... Это все правда? Это все на самом деле случилось с нами?

– Похоже, что да.

– Нам придется его перенести.

– Я знаю, Ян. Ты сейчас не думай об этом, пожалуйста.

– А о чем мне думать, Женька? Скажи, ты правда не убивал его?

– Нет, конечно. Неужели ты...

– Тогда кто? Кто проник к нам в квартиру, переоделся в твой домашний костюм? И почему он решил сделать это здесь?

– Знать бы.

– Наверное, мы должны были вызвать милицию.

– Ты так считаешь? Думаешь, они поверили бы мне?

– Не думаю.

– Тогда зачем...

– Просто. Чтобы что-то сказать. Прости меня.

– Тебе не за что просить прощения.

– Я тебя ударила.

– Правильно сделала. Если б не ударила, я бы сошел с ума от смеха.

– Это была парадоксальная реакция. Я где-то читала об этом.

– Сегодня ведь твой день рождения.

– Зачем ты об этом вспомнил?

– А я об этом и не забывал. Знаешь, мне иногда кажется...

– Да? Что тебе кажется?

– Что он специально устроил все это. Именно сегодня. Чтобы отомстить.

– Он – это кто?

– Слизень. Помнишь, в тот день...

– Прекрати. О чем ты вообще?

– Сам не знаю. В голове каша.

– Глупости все это. Лучше не думай.

– Не думал бы, если б мог.

– Когда-нибудь сможешь. И я смогу. Все проходит.

– Наверное.

Они еще долго сидели в тишине, перебрасываясь короткими фразами. Разговаривали тихо, неторопливо и буднично, прекрасно понимая, что просто оттягивают время. Оттягивают

наступление того момента, когда все же придется снова начать что-то делать, в глубине души надеясь, что тянуть можно будет до бесконечности.

Нелепая мысль пришла в голову: кажется, он готов состариться, сидя здесь, на этом полу. Он совсем не против, чтобы в этой тихой беседе прошел весь остаток его жизни. Лишь бы не пришлось больше прикасаться руками к холодному телу, лишь бы не видеть рядом мертвое лицо, залитое темной свернувшейся кровью, и сизые губы, навечно сложившиеся в так и не успевший родиться звук – то ли «о», то ли «у»...

Интересно все-таки, что это было за слово, на которое у Слизня совсем чуть-чуть не хватило жизни?

Дождь за окном постепенно успокаивался. Удары капель о стекло становились все реже, и вместе с убывающим ритмом этих капель, казалось, постепенно останавливается и само время, вступившее в странный сговор с дождем.

Евгений ничего не имел против того, чтобы время остановилось совсем.

А еще лучше было бы, если бы оно повернулось вспять, начав обратный отсчет. И тогда, он знал совершенно точно, ничего такого бы с ним не случилось.

Но секундная стрелка все же лениво бежала по кругу, вслед за ней подтягивалась и минутная. Взгляд тянуло к часам, как магнитом.

В первом часу ночи им все же пришлось подняться с пола и сделать то, на что, казалось, уже не оставалось сил.

Яна, осторожно и тихо спустившись на девятый этаж, открыла ключами квартиру Слизня.

А потом они вместе, подхватив тело под мышки, перенесли его вниз и сбросили на драпанный гобеленовый диван.

Последнее, что осталось в памяти у Евгения – рука, безвольно свисающая с дивана. Белый металлический браслет на запястье и круглый циферблат механических часов с большими стрелками.

Часы на мертвой руке по-прежнему тикали и показывали абсолютно точное время.

Все, что было можно сделать, они сделали.

Почти до часу ночи ходили по квартире со щетками и тряпками, снова и снова пытались ликвидировать уже не существующие следы убийства. Распахнув настежь все окна в квартире, Евгений вдыхал мокрый уличный воздух, в котором среди запахов прелой осенней листвы с легким привкусом автомобильных выхлопов ему по-прежнему чудился запах мясного рынка.

Невозможно было избавиться от этого запаха. Хотя умом он прекрасно понимал, что это – всего лишь обонятельная галлюцинация, на которую не стоит обращать внимания. Не исключено, что этот запах будет еще долго преследовать его – в салоне машины, в рабочем кабинете, и избавиться от него можно будет, лишь совсем перестав дышать.

– Янка, ты чувствуешь запах? – спросил он на всякий случай, не уточняя.

Она коротко кивнула в ответ и сказала:

– Пройдет.

Кресло пришлось временно перетащить на лоджию и завалить старым хламом. Хотя Евгений прекрасно понимал, что от кресла нужно непременно избавиться: случись что, оно окажется первой и неопровержимой уликой причастности к убийству. Но сейчас просто не было сил сделать этот последний рывок, и голова плохо соображала, чтобы придумать подходящий выход из ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.